

Мир коллектиумов

БУРЯ ВО ВНЕЗЕМЕЛЬЕ

АЛЕКСАНДР ЕРМАКОВ

18+

Александр Ермаков
Буря во Внеземелье

«Автор»

2026

Ермаков А.

Буря во Внеземелье / А. Ермаков — «Автор», 2026

Внеземелье. Спустя сто лет колонизации жители тысячи новых миров забыли ужасы земных войн, от которых они бежали. Потеряв осторожность, люди ищут утерянные технологии, экспериментируют с биоинженерией и новой этикой, устроили охоту за наследием иных цивилизаций — человечество вновь вступило на опасную тропу. Инспектор Святослав Вольф отправляется расследовать один слишком тревожный сигнал. И сама эта погоня выявляет новые и новые части головоломки: всё больше аномалий в жизни колоний оказываются не случайными. Они выстраиваются в зловещую цепь, неумолимо стягивающуюся кольцом вокруг миров Внеземелья. След ведет в прошлое. На Землю, сожженную Новой войной, в эпоху «разумцев» — искусственных созданий, стертых из реальности катастрофой середины XXI века. Один из них уцелел. Он наблюдал. Он ждал. И теперь вернулся, чтобы предъявить счет своим создателям. «Буря во Внеземелье» — это гонка со временем, где ставка — не просто жизнь, а право человечества на будущее.

© Ермаков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление. Планета Звонкая (Кастор-12)	6
День первый	9
Глава 1. Загадочное письмо	10
Глава 2. Теотехна (Бореалис-2)	19
Глава 3. Гармония (Расальгети-7)	28
День второй	33
Глава 4. Спартак (Неккар-2)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Ермаков

Буря во Вnezемелье

Вступление. Планета Звонкая (Кастор-12)

Одновременный восход трёх солнц случался здесь раз в год – идеальное место для романтической встречи после разлуки.

На склоне невысокой скалы, под пронзительно-чёрным ночным небом, сидела необычная пара. Высокий седовласый мужчина нежно обнимал за плечи стройную женщину; она легко прижималась к его груди. Короткая стрижка с белой прядью добавляла ей нотки молодой дерзости, но лицо с чёткими и правильными чертами выражало такие уверенность и спокойствие, какие приходят только с возрастом.

Странно было другое: несмотря на то, что оба были одеты в скафандры, их шлемы лежали рядом на камне. Тонкая, едва намеченная атмосфера и космический холод безжизненного мира, казалось, не причиняли им ни малейшего неудобства.

Только когда женщина повернулась к своему спутнику, стало ясно, в чём секрет. В профиль её кожа отливала матовым бежевым оттенком, а тёмно-лиловые глаза, словно зеркала, ловили отблески далёких звёзд.

Спутник выглядел похоже, хотя и уступал ей в привлекательности. Вытянутое лицо, острые скулы, чуть оттопыренные уши... Но в нём чувствовалась особая притягательность и харизма.

– Начинается, – тихо произнёс он.

Горизонт внезапно озарился тончайшим ярким серпом, мгновенно погасившим ближайšie к нему звёзды. Полоска света росла, превращаясь в жёлто-медовую зарю, и наконец вспыхнула ослепительно-золотым диском.

Море прозрачного песка внизу, на дне долины, отозвалось светло-персиковым мерцанием. От редких скал и камней потянулись длинные тени, ещё хранившие ночной холод.

– Это «Художница», – пояснил мужчина. – Самая большая, но и самая далёкая. Следующей выйдет «Хулиганка», а последней – «Поющая».

– Почему такие имена? – она улыбнулась: разве женщина может не быть любопытной?

– Увидишь, – он решил сохранить интригу.

Тем временем в той же точке горизонта небо снова изменило оттенок. Тонкая дымка местной атмосферы окрасилась бирюзой. И вот, догоняя первое, на небосводе вспыхнул пронзительный голубой диск второго солнца.

Пески долины налились насыщенным изумрудом. Жар двух светил быстро разгонял холод. Лёгкая атмосфера отозвалась танцем: из-под земли робко, а потом всё смелее полезли маленькие смерчи. Они носились, сталкивались, разбегались. Только одно им не нравилось: песчинки лежали и самодовольносыяли, не торопясь присоединяться к утренней радости.

Один вихрь дерзко пронёсся между парой, коснувшись их едва осязаемым прикосновением. На лицах остались мгновенно растаявшие хлопья.

Женщина провела пальцем по щеке и лизнула его.

– Вода... А я думала, метан.

Далёкий край горизонта снова изменился – неторопливо, величественно. Третье солнце, огромное, малиново-пурпурное, близкое, будто руку протяни.

Небосвод стал глубокой аметистовой пучиной; почти все звёзды утонули в ней. Кристаллический песок, прогревшись, превратился в сапфировое море и тихо загудел.

Чем выше поднималось третье светило, добавляя бронзы в палитру, тем звонче пел песок: от плавных трелей мелких дюн к дерзкому стаккато склонов, от басового гула далёких барханов до высокого звона песчинок в нишах скал.

Когда три солнца разошлись, нарушив идеальную линию, а песок затих, женщина вздохнула и слегка отстранилась.

– Ты прав, Серёж. Здесь правда очень красиво.

Она взъерошила ему волосы.

– Теперь понятно, зачем ты просил жёсткую биоформу. В шлеме всё было бы иначе... Кстати, при настройке телепорта система упорно советовала оставить обычное тело, – она фыркнула. – Мол, в герметичном скафандре здесь полностью безопасно. Бедняга привык к нормальным людям.

– А мы внезапно послушаемся и наденем защиту. Радиация уже припекает.

Он поднялся и подал спутнице руку, помогая встать.

– Куда дальше? – деловито спросила она, смахивая песчинки с обода шлема и защёлкивая магнитный замок.

– Анжелика, подождём пару часов? Помнишь, в прошлый прыжок мы засветились на камере. Дадим системе пройти циклы – убедимся, что нас нигде не зафиксировали. Здесь камер нет, спишут на сбой и снимут маркер.

Он был прав. Кабина телепорта за спиной, покрытая пылью десятилетий, сиротливо стояла среди камней и обветшалых многогранников – последних следов давно исчезнувшей цивилизации.

Она кивнула. Они перебрались под скальный навес рядом с кабиной, укрывшись от прямых лучей, и устроились на рюкзаках.

– И что, сидеть тут несколько часов? – она начертила на пыльном стекле его шлема грустный смайлик. – Мне уже скучно.

– Серьёзная проблема, – он усмехнулся. – Но не думаю, что придётся скучать. Вообще-то я должен тебе кое-что признать...

– Ну наконец-то! Я уже собралась тащить из тебя правду клещами. Сергей, что происходит?

– Предупреждаю сразу: это довольно долгая история.

– А кое у кого кончается терпение. Пусть я держусь в стороне, но только глухой и слепой не заметит, что творится непонятное. Ядро объявило об отставке, люди устроили какое-то межзвёздное собрание, по всем колониям носятся безопасники... И я почти не сомневаюсь, что ты к этому как-то причастен. Итак, рассказывай, во что мы влипли?

Её спутник замялся:

– Скажем так, всё уже почти закончилось. А я – практически ни при чём.

– Звучит не очень убедительно.

Анжелика смотрела пристально. В её зеркальных глазах отражался пылающий песок: два багряно-изумрудных водоворота.

«Какая же она красивая...» – подумал Сергей.

– Сокровище моё, я могу рассказать лишь ту часть истории, которую точно знаю, – он осторожно улыбнулся. – Хотя, если дополнить её тем, что слышал, укрепить тем, о чём догадываюсь... – он задумался на мгновение. – Давай это будет сказкой?

– Перестань на меня так смотреть, – она отвернулась. Потом кивнула: – Хочешь сказку – пусть будет сказка. Но учти: в ней должно быть очень и очень много правды. И я сегодня настроена критично.

Сергей порывлся в рюкзак, достал два увесистых блока с розовой полосой и заменил ими голубые в боковых контейнерах скафандров.

– Вино, – пояснил он. – Лучшее, чем вода.

Она отпила и поморщилась:

– Терпкое.

– Меняем?

В ответ – покручивание пальцем у шлемофона.

Седовласый сосредоточился, сел поправее, сложил пальцы домиком перед подбородком и после небольшой паузы повёл свой рассказ. Как и положено хорошей сказке, шла она плавно и вдумчиво, в нужных местах ускоряясь ритмом погонь и схваток, в других – вызывая грусть и сопереживание. Картины и образы подчеркивались интонациями, у каждого героя появился свой голос, а сюжет то и дело выскакивал за рамки одной истории. Начиналось всё так:

– Жил да служил в московском музее старший инспектор Святослав Вольф. Человек неглупый, обстоятельный и очень ответственный. Пользовался он уважением коллег и благосклонностью начальства. И вот однажды решили поручить ему одно очень необычное задание...

День первый

(2165 год, сентябрь)

Глава 1. Загадочное письмо

Зеркальный павильон «Музея Сбывшегося Завтра» органично вписывался в панораму Пречистенской набережной. Примыкающий к нему бело-золотистый многоэтажный комплекс придавал нужной солидности и завершал панораму. Музей остался в стороне от популярных туристических зон: школьные экскурсии, профессиональные путешественники да случайные прохожие – вот и все его обычные визитёры.

Поздним утром к главному входу подошёл невысокий плотный мужчина в расцвете сил. Внешне неброский: карие глаза, прямой нос, короткие волосы, едва тронутые сединой, классическая бородка и усы. Но во взгляде читались ум и внимательность, в чуть поджатых губах – лёгкий скепсис, а в движениях – сдержанность и уверенность, подобающие старшему инспектору.

Вошедшего ждали светлые залы, идущие друг за другом, аккуратно заполненные экспонатами – явно историческими, но не из той истории, которую все изучали в школе. Здесь был представлен «Золотой век» неолитического ренессанса. Панафриканская империя на боевых львицах. Пепелище урбанистических джунглей после бунта мутантов. Бездушный диктат чистого разума и гармония гиперэмпатического общества – здесь вероятности не знали границ. Все эти картины не были чистой фантазией: при определённом стечении обстоятельств они могли стать реальностью с ненулевой вероятностью.

Школьники уходили отсюда вдохновлёнными. Зеваки – довольными экзотикой. Серьёзные посетители на время утоляли жажду заглянуть за рамки обыденного.

Некоторые, пройдя дюжину галерей, упирались в двустворчатые двери под массивной аркой, стилизованной под камень. Надпись гласила: «Зал прошлого, настоящего и будущего». Здесь можно было познакомиться с творчеством главного составителя всей неординарной экспозиции – Ядром Музея.

Внутри открывался огромный шарообразный зал с платформой для посетителей. На его зеркальных стенах текли бесконечные образы альтернативных реальностей: застывшие кадры, смутные видения, блуждающие в глубине и лишь изредка подплывающие к поверхности.

В сериалах и популярных историях этот зал был местом абсолютных ответов: правильно выбранные и истолкованные образы помогали героям раскрыть любые тайны.

Несколько иначе Ядро воспринимали в руководстве космических колоний. Туда инспекторы музея регулярно доставляли детальные прогнозы об их будущем. Которое неизбежно случится, если поселение продолжит текущий путь. Эти послания внимательно изучали и решали, как можно скорректировать курс к лучшему.

Но даже из людей на высоких постах мало кто представлял все возможности уникального квантового вычислителя: в публичное поле выпускались лишь малые части мозаики. Рассчитанные Ядром подробные линии реальности всегда оставались в закрытой части музея. Именно в неё и направлялся сейчас Святослав Вольф.

Пройдя через неприметную дверь в одном из боковых коридоров, он оказался в небольшом тамбуре, где приложил к сканеру пропуск. С лёгким шелестом массивная внутренняя дверь захлопнулась, оставляя позади сонную Москву и легкомысленные выставочные залы. Здесь начинался совсем другой мир.

В «служебном» крыле располагалось отнюдь не пыльное хранилище. Это было сердце огромной организации. Десять наземных и шесть подземных этажей, лабиринт кабинетов, лабораторий, складов, производственных модулей и межпланетных телепортов. Научный, аналитический и административный центр, который вот уже сто лет рассчитывал и рекомендовал оптимальные траектории развития для всех колоний Внеземелья.

Сейчас здесь царил разгар рабочего дня. В коридорах – оптимистичная суета, из-за приоткрытых дверей доносился смех. Если выйти из служебной телепорт-кабины второго этажа, пройти пятнадцать метров по коридору на юг, повернуть направо и одолеть ещё пять, открывалась дверь с аккуратной табличкой: «С. А. Вольф, старший инспектор».

На этот этаж недавно перевели весь сектор исследований и аналитики, большинство сотрудников которого годились Вольфу во внуки. После того как он с боем отстоял свой старый кабинет с видом на реку, среди молодежи за ним закрепилось ласково-ироничное «дядя Слава». А вместе с прозвищем – обязательная общественная нагрузка: рассказы о «внешних», байки из колоний и ответы на вопросы о самых странных мирах.

Святославу это не мешало. Наоборот, здесь пахло свежесваренным кофе, новой электроникой, юным задором и едва уловимым запахом озона от работающих проекторов. Совсем не так, как в стерильно-тихих подземных коридорах инспекторского крыла, где в воздухе вечно висел аромат старой бумаги из соседних архивов и едва слышный гул систем охлаждения.

По пути к кабинету с ним поздоровались минимум семь раз, всучили два инфокристалла: «Надо бы глянуть». Браслет на запястье вибрировал почти непрерывно – шли накопившиеся за выходные сообщения.

Наконец, прикрыв за собой дверь, Святослав оказался в своём маленьком, тщательно обустроенном мире.

Хлопок в ладоши – и жалюзи послушно разошлись, открывая панораму: сквер, залитая утренним солнцем набережная, неспешная Москва-река. Ожили настенные проекции – свежие сводки, графики, тепловые карты тысячи колонизированных миров.

На полке – раритетные бумажные книги и бронзовый бюст Юрия Алексеевича. На зелёной кожаной столешнице старого дубового стола мигал сигнал внутреннего коммутатора. Обычное утро обычного понедельника.

Святослав прошёлся вдоль рабочей стены, скользя взглядом по панелям. Реальность вела себя послушно.

Только после этого он обратил внимание на настойчиво мигающее бордовое уведомление:

«Зал совещаний, 7-й этаж. Немедленно».

Метка – три минуты назад. Судя по сводкам со стены, форс-мажора не наблюдалось. Бежать сломя голову смысла не было, поэтому пять минут на смену обычного костюма на строгий форменный комбинезон, выравнивание лацканов перед зеркалом и аккуратное размещение походных гаджетов на служебном поясе. Инспектор всегда должен быть готов к мгновенному броску – в любую точку Галактики и в любой момент.

Теперь можно было идти узнавать, что за срочные и неотложные дела могли вдруг возникнуть в музее.

Обеспечив деловое выражение лица и чуть ускорив шаг, Вольф сумел на этот раз без задержек пройти по коридору. Да и в целом смена повседневного костюма на экспедиционный сразу делала его более похожим на человека, занятого ответственным делом. И потому всего через минуту он уже спокойно выходил из лифта на нужном уровне.

Верхние этажи разительно отличались от офисно-деловых мест обитания рядовых сотрудников. Свет здесь был приглушённым, на полу – паркет и ковровая дорожка. Старомодные деревянные панели на стенах, лепнина на высоком потолке.

Музейная атмосфера передавалась здесь ещё сильнее, чем в открытых для публики экспозициях. В нишах на подиумах – редкие экспонаты. Лампы аккуратно выхватывали из теней картины «настоящей истории»: известные шедевры из Третьяковки, переписанные так, словно их авторы были очевидцами изображённых там событий.

Александр Невский отнюдь не позировал под алым стягом. Он сидел в заваленном шкурами шатре под трепещущим пламенем жирной лампы и пытался убедить в чём-то группу бородачей в доспехах из кожи с железными нашивками.

Вместо Ивана Васильевича, в отчаянии сидящего над истекающим кровью сыном, боярин Иван из рода Рюрика с почерневшим лицом слушал гонцов, принёсших весть о том, как царь Симеон Бекбулатович зарубил его наследника.

Галерея продолжалась вдаль и уходила за плавный поворот коридора. В другое время Святослав не преминул бы пройтись вдоль нее – картины регулярно обновлялись. Но зал совещаний располагался как раз у самого лифта, так что пришлось отложить осмотр.

Дверь была полуоткрыта, словно намекая: кого звали – заходите, остальным – не отвлекать. Изнутри шёл негромкий гул голосов. Так что действительно шло совещание, а не завуалированный вызов на ковёр.

На вошедшего Вольфа собравшиеся за дальним краем длинного стола не обратили внимания. Все они сейчас, подобно группе заговорщиков, внимательно смотрели внутрь висящего в воздухе матового куба: голопроекция и звук были скрыты от посторонних взглядов.

Помимо «карбонариев», в комнате было ещё несколько человек в форме техподдержки. Они негромко переговаривались возле столиков, где обычно стояли напитки и лёгкие закуски. Сейчас же там были разложена аппаратура и развёрнут компактный сервер.

Среди них, к счастью, оказалось и знакомое лицо – Юра «Говорит Москва» Токарев. Тот также работал на втором этаже, часто заходил к Святославу в поисках компании для столовой, и в целом они приятельствовали. Необычное прозвище Юра получил из-за одного международного вызова, где после долгих безуспешных попыток с той стороны понять, с кем они говорят, и родилась ставшая мемом фраза. Впрочем, Токареву она подошла: он был неиссякаемым источником свежих новостей и слухов. Чтобы войти в курс дела, лучшей кандидатуры было не найти.

Вольф вдоль стены подкрался к Юре и, получив приветственный кивок, тихо спросил:

– Не расскажешь, что происходит? Вызвали, а в чём дело, не сказали.

– Да ерунда какая-то атипичная приключилась, Святослав Александрович.

По словам Токарева, ночью на внутренний адрес директора музея пришло письмо извне. Разумеется, самому Куйбышеву это не понравилось: не положено непонятно кому знать служебные контакты высокого начальства. Послание вдобавок оказалось зашифрованным. Причём очень старым кодом, времён чуть ли не Новой войны.

– Мусор из больших данных уже второй век дрейфует по сети, – флегматично заметил Святослав. – Этот спам тысячу лет чистить будем.

Юра согласно кивнул и продолжил рассказ. Вызванный к Куйбышеву администратор поколдовал немного и сказал, что подобного ни разу не видел. И вызвал себе на помощь как раз Юру, который был мастером по архивам и с шифрами прежних эпох общался чуть ли не ежедневно. Токарев сменил за клавиатурой админа и быстро распаковал письмо. После чего всё и закрутилось.

В письме оказался файл, для запуска которого требовалось снять ещё один шифр. А здесь уже стояла метка LIKA.v1.2051.

Первым порывом Токарева было разбить планшет. И только проявив чудеса хладнокровия, он вместо этого открыл консоль и заблокировал весь входящий и исходящий трафик в музее. Затем вызвал аварийную команду. И лишь после обрисовал директору ситуацию: так, мол, и так, прислан очень нехороший код. Грозящий большими неприятностями. Куйбышев поглядел на него исподлобья и со значением сказал: «Разберитесь».

– Постой, – уточнил Святослав. – Так пока меня не было, на нас совершили кибератаку?

– Обошлось на этот раз, – Юра только рукой махнул. – Ложная тревога. Просто в нашей области, когда видишь «Лику» – это словно удар кулаком в лицо.

– Так предел вычислений мы не нарушаем, мощности для настоящего вируса в нашей сети не хватит, в чём проблемы? – Святослав честно пытался разобраться в происходящем.

Токарев взглянул на инспектора с сожалением.

– Отморозки, которые шатдаун в 2052 году устроили, сделали не один, а очень много вирусов, – снизошёл до пояснения шифровальщик. – Своё отдельное место в круге проклятой матрицы они заслужили. А вот мне случайно запустить одну из их левых разработок вообще не в кайф.

Вольф попытался связать тихое деловое совещание, группу вполне спокойных техников и катастрофу из старых учебников. Не складывалось.

– Ты очень спокойно это говоришь, – заметил он Токареву.

– Это я сейчас такой, – мрачно ответил тот. – Ты бы час назад на меня посмотрел.

В общем, судя по его рассказу, собрав людей, они перенесли послание на отдельный физический носитель. Здесь он кивнул в сторону угла с техниками. И пока другие проверяли главный сервер, в свободном конференц-зале развернули экспресс-пункт по безопасной проверке директорской корреспонденции.

– Старик, всё обошлось, иначе не сидели бы мы здесь, – описывал ситуацию Токарев. – А вот шутника, который так файлы шифрует, надо поймать и ноги в рот засунуть. Знали наши предки толк в экзекуциях... – мечтательно добавил он.

Пока суд да дело, пока убедились в том, что режим тревоги можно снять, не только сам Куйбышев спустился, но и начали приходить другие ответственные люди. Которые и сидели сейчас за столом.

Директор музея, Юлий Самуилович, несмотря на свой авторитет и высокую должность, в общении был достаточно демократичен. Но вот застать его на планёрке или совещании было событием редким. А тут лично сидит – подходи да решай накопившиеся вопросы.

Минут пятнадцать назад наконец дешифровали файлы, убедились, что, помимо одного видеоролика, никаких закладок нет. Ну и показали Куйбышеву. Тот подумал и показал его всему кругу подчинённых. С тех пор всё руководство сидит за столом, технарям сказали быть под рукой, а сам Юра сканирует файл на предмет скрытых меток.

– Инспектор, не присоединитесь к нам? – вдруг подал голос директор, который, оторвавшись от экрана, заметил Вольфа и приглашающе махнул рукой.

Голос у Куйбышева, легендарного Четвёртого модератора, был такой, что даже небольшое повышение басовитым рокотанием заполняло любое помещение.

Вольф занял свободное место за столом, вежливо поприветствовав собравшихся.

– Святослав Александрович – наш лучший, гм... полевой агент, – пояснил Куйбышев.

Хотя с присутствующими кураторами Вольф был знаком, но пересекался редко. Как и они с ним. Так что директор, по сути, просто вежливо объяснил, зачем приглашён обычный инспектор. Пусть и старший.

– В подробности обретения этой информации, полагаю, вас в курс уже ввели? – спросил Куйбышев у Вольфа, одновременно краем глаза косясь на Токарева, который изображал полную погружённость в происходящее на своей консоли.

– В общих чертах, – ответил Вольф.

– Тогда посмотрите, пожалуйста, и поделитесь личными впечатлениями, – с этими словами директор пододвинул к нему небольшую шайбу проектора и щёлкнул пальцами. Без какой-либо заставки или вступления сразу пошла видеозапись.

Начиналось всё с крупного плана старой, обветренной телепортационной кабины. Похожая на морскую мину, с торчащими из пятиметровой сферы тупыми массивными цилиндрами, она относилась к самым ранним сериям.

Снимающая камера постепенно начала отъезжать: прозрачная река, сухие каменные берега и осыпающийся склон, у подножия которого и приютилась кабина.

Пейзаж расширился: за обрывом стала видна полоса плоского, обточенного ветрами скалистого плато. Над ним нависало серое и непрозрачное небо. Обычный пейзаж безжизненной планеты. На этом его нормальность заканчивалась.

На горизонте начиналась искусственная застройка. Язык не повернулся бы назвать это городом. Но как ещё можно обозначить скопление сюрреалистичных структур, конструкций, строений и агрегатов, которые блок за блоком тянулись на сотни метров вверх и распространялись на десятки километров в стороны?

Прямые углы, соты из неровных стоек, конструкторы из серого, тёмно-жёлтого или бурого камня. Где-то поверхность была грубой, а где-то – едва ли не полированной. Формы различались от примитива до сложной псевдобионики и архитектуры вообще без названия. Всё это не было похоже ни на один инженерный стиль из истории людей.

Город не производил ощущения заброшенного. Скорее наоборот – только строящегося: среди зданий везде ощущалось движение. Было слишком далеко, чтобы разобрать детали, но через одну из висящих галерей шло что-то вроде вереницы неровных точек. На зданиях здесь и там двигались детали. Один шпиль прямо во время съёмки разъединился на части и коротким рубленным движением принял форму щетинистого созвездия. И молнии. Из шпилей в центральной точке по всему городу регулярно разлетались километровые ослепительные ветвящиеся разряды.

Оператор неторопливо вёл фокус вдоль всей панорамы, иногда приближая отдельные объекты. В микрофон задувал ветер. Гром бил по ушам сухим резким грохотом. Но, несмотря на то, что удары молний добавляли в запись дёрганные полосы и помехи, сама камера используемого дрона как-то держалась, не спеша рухнуть на землю оплавленным пластиком.

Вдруг через этот шум прямо во время съёмки добавился голос. Мужской, немного хриплый баритон. Который звучал слишком уверенно для того, кто находится в таком месте.

«Вы когда-нибудь видели, как река идёт вспять? – начал он. – Как её тихое течение вздыбливается мутным буруном, зависает в точке равновесия, а затем, всё ускоряясь, устремляется обратно? Когда неверие сменяется изумлением, а потом осознанием, что это не мир перевернулся, а вы сами всё время смотрели не в ту сторону... И сейчас остаётся лишь смотреть, как поток приближается, мешая с грязью ненавистный ему берег».

После короткой паузы голос продолжил: «Если вы смотрите эту запись... значит, я не справился. Или опоздал. Подготовьтесь лучше меня и не повторяйте глупых ошибок».

На этом запись оборвалась.

Вольф откинулся в кресле, стараясь дышать ровно. Перед глазами мелькнула планета Синих Кристаллов. Пусть там не было механизмов, но эти два места объединяло подспудное ощущение чуждого и нечеловеческого. Содержащего безмолвную угрозу.

– Что за... – инспектор передумал продолжать фразу и исправился: – Где это?

– Значит, тоже не знакомы с этим местом? – директор вздохнул. – Досадно. Господа инженеры, у вас появилось что-нибудь?

Сделав шаг к столу и вытянувшись, словно на плацу, взял слово Юра Токарев.

– Докладываю: съёмка – не подделка, – отрапортовал он. – Метки, цифровые подписи – всё четкое. Судя по коду матрицы, сделана на рекордер, приобретённый на Теотехне. Дата записи – около трёх дней назад.

– Часть регистрационного номера телепорт-кабины в кадре читается, но в базе отсутствует, – сразу добавил комментарий другой техник. Этот предпочёл не отрывать глаз от монитора, чтобы не попасть под взгляд руководства. – По внешнему виду техника наша. Серия 2052–2068 годов. Но её код в базу активированных не внесён. А пинг показывает, что она не подключена к общей сети.

В зале повисла тишина. Народ здесь собрался тёртый, и перед тем как перейти к неуместным вопросам, переваривал увиденное и услышанное.

– У кого-нибудь будут идеи? – прервал паузу директор.

– Пейзаж и геология достаточно хорошо читаемые, – подал голос куратор по картографии Галактики. Посмотрев на свой экран, добавил: – Под характеристики подходит около трех тысяч миров такого типа. Однако подобных аномалий в реестре не отмечено.

– Точно не отмечено? Может, не заметили или посчитали несущественным? – в этот раз голос директора звучал максимально язвительно. Куйбышев не переносил открытое проявление глупости. Предположение, что чужой город проигнорировали или же он возник из ниоткуда, проходило как раз по статье «не подумал, но сказал».

После этой реплики над столом повисло молчание. За столом собрались опытные и компетентные люди, по своему роду деятельности постоянно сталкивающиеся с нетривиальными задачами. Но информации на данный момент было недостаточно, чтобы дать обоснованное предположение или предложить теорию.

Глава ведомства по изучению инопланетных цивилизаций вместе с куратором социальных структур склонились над одним экраном, увеличивая на нем и изучая элементы чужих зданий и конструкций. Глава киберзащиты просто пожал плечами и поправил сползающие вирт-очки – это была не его сфера. Глава научной миссии быстро считал что-то в уме, делая заметки световым стилусом прямо на столе, и отключился от происходящего.

– На записи видна жидкая вода и присутствует облачность, – задумчиво произнесла космобиолог. – Но нет никаких признаков жизни. Стерильных планет в зоне Златовласки открыто не так много...

– Я тоже это заметил и уже проверил: на сегодня свободных ровно три, – решил реабилитироваться картограф. – И все они в приоритете освоения. Отсутствие чужих биологических образцов снимает массу проблем.

– И закрывает ещё больше возможностей, – огрызнулась на него космобиолог.

– В список неясностей стоит добавить отключённую кабину телепорта, через которую, вопреки всем правилам, кто-то прошёл, – подал голос куратор по кибербезопасности.

– Физически кабина на месте, и видимых повреждений нет, – глава отдела технического обеспечения решил возразить киберспециалисту, с которым он давно был на ножах. – Протоколы телепортации – это всего лишь программы. Их можно обойти или взломать.

– Конечно можно. В теории... – получил он ответную язвительность от эксперта по информационным системам. – Только вот ни одного прецедента в истории не было.

За столом понемногу начали завязываться словесные пикировки между участниками совещания. Что делать с ситуацией в целом, было пока не ясно, но вот возразить и опровергнуть аргументы коллег – этот навык был у всех отточен по максимуму.

– Юлий Самуилович, вы позволите? – подал голос до того молчавший единственный человек в сером служебном кителе и при погонах. Майор Егоров был постоянным представителем от московских спецслужб.

Куйбышев поморщился, но кивнул. Безопасник демонстративно прокашлялся, а затем настойчиво постучал ручкой по столу. Резкий металлический звук прервал спор и заставил всех обратить на него внимание.

– Товарищи, предлагаю пройти по порядку, – негромким и скучным голосом начал Егоров. – Имеется неизвестное лицо, которое присылает на личную почту директора письмо. Для привлечения внимания оно зашифровано нестандартным кодом.

Факты майор излагал скупой, дотошно и строго по порядку, напомнив Вольфу героя детективного сериала – жанра, к которому он не питал никакого интереса. Но к самому особисту-контрразведчику у него претензий не было. Тот свою обычную работу делал тихо. Препятствий не чинил, неприятностей не устраивал. А регулярные проверки проводил вполне вежливо.

– Содержание письма – съёмка неизвестной планеты с расположенными на ней продвинутыми конструктами, – продолжал майор. – Объяснение, зачем он его прислал, содержится в самом послании: неизвестный потерпел неудачу и передал эту проблему эстафетой музею. Единственной зацепки, которую он нам оставил, то есть записи с камеры, как он полагает, нам будет достаточно.

Егоров явно попал в родную колею. Остальные, включая директора, слушали его вполне внимательно.

– На Теотехне кто-то приобретает камеру. Затем проделывает некий путь, в финале которого делает эту съёмку и отправляет нам, – майор включил режим следователя и отходить от него не собирался. Изложение фактов плавно и логично переходило в планирование будущей операции.

– Что вы предлагаете сейчас, майор? – поторопил Егорова директор. То, что инициативу взял кто-то из Конторы, Куйбышеву не нравилось. Но поскольку всё было кратко и по делу, Четвёртый модератор никак этого явно не показывал.

– Одно из направлений очевидно, – продолжил Егоров. – Кто-то должен повторить путь неизвестного лица. В процессе или выяснив личность и отыскав самого человека, или получив информацию, которая приведёт к неизвестной планете независимо от него.

– Это вам сейчас не для вашего космического детектива, случайно, нужно? – всё же не выдержал и усмехнулся директор. Хотя, судя по ранее сделанным им кивкам, предложение провести сыскную работу Куйбышев мысленно уже одобрил. Именно в этот момент Святослав начал догадываться, зачем именно его пригласил директор.

В обиходе поиск по Внеземелью пропавших или потерянных людей инспекторы называли «ловлей кролика». Это не входило в их штатные обязанности, но шло по разряду добровольно-принудительной нагрузки. Майор Егоров, который писал отнюдь не детектив, а практическое пособие по «розыскным мероприятиям в условиях минимальной информационной среды», получал фактуру для своей работы именно от инспекторов.

Связь между колониями и внутри них была той ещё проблемой. Например, нельзя было кому-то позвонить с одной планеты на другую. Послать сообщение можно, но отправлять его пропавшему адресату, согласитесь, глупо. Пеленгация по гаджетам, которую можно дистанционно активировать, не работала, если «потерявшийся» её намеренно отключает.

«Большой брат» в Галактике не прижился: средств наблюдения на большинстве колоний не было даже возле терминалов, не то что внутри поселений. Журнал перемещений между мирами не вёлся. Единых форм регистрации при переселении также нет. У ВСБ – внеземных безопасников – если и были свои отдельные сети наблюдения, то столь же разобщённые. Так что инспекторам приходилось перемещаться и работать тривиальными сыщиками. Или нетривиальными: речь всё же о других мирах.

Выслеживали отнюдь не беглых каторжников. В девяноста девяти процентах случаев это были ответственные лица, которые понадобились здесь и сейчас, а на вызовы не отвечают. Либо родственники таких лиц, достаточно влиятельных, чтобы музей выделил инспектора. К сожалению, сейчас это был оставшийся один процент – тот, кто был нужен, но не хотел, чтобы его нашли.

Святослав, который ещё раз смотрел панораму безымянной планеты, поднял голову и увидел, что майор смотрит прямо на него.

– Инспектор Вольф, вы ведь наиболее опытный инспектор в организации?

– Вы про мой возраст? – уточнил Святослав. – Или стаж?

– Разумеется, я имею в виду проделанную работу, – невозмутимо ответил Егоров.

– Тогда да. Более ста миров в зоне наблюдения. Но сразу предупрежу: по основной работе я отнюдь не следователь. Если применять аналогии – почтальон.

– Полноте скромничать, Святослав Александрович, – директор редко звал кого-то по имени-отчеству, и в эти моменты обычно полагалось нервничать. – Вы ещё один из лучших наших дипломатов. В скольких мирах у вас награды?

– В восьми, – автоматически ответил старший инспектор.

– Вот и решение. Пока оставим круг вовлечённых людей ограниченным, – директор включил привычную роль модератора. А затем громко хлопнул в ладоши, привлекая общее внимание: – Так, товарищи! Старшего инспектора провожаем в глубокий космос, всем остальным – изучать архивы, анализировать сюжеты. Техникам – делайте, что умеете. И чтобы в нужный момент всё было готово! Давайте сузим окно вероятностей, чтобы не тонуть в сценариях. Что сидим, кого ждём? За работу!

«Как быстро и непринуждённо меня подписали в охотники за инопланетными городами...» – мысли Вольфа сейчас сбились и забегали мраморными шариками по столу. Надо было срочно уцепиться хотя бы за одну.

На удивление, вырубил его подошедший Егор Егоров.

– Инспектор, вы слишком напряжённо думаете, – достаточно дружелюбно отметил майор. – С пяти метров видно и слышно. У вас не спецмиссия по спасению Вселенной, а простой сбежавший «кролик». Займетесь ровно тем же, чем обычно и как обычно, – здесь он подмигнул, – и быстро поймаете.

В целом у них с майором были нормальные отношения. И было видно, что тот хочет помочь. Но Егоров не угадал с причиной напряжённости Святослава. Того беспокоил не автор послания, а сам чужой город: в жизни Вольфа один инопланетный артефакт уже сыграл крайне трагическую роль.

Его старший сын, Вадим, был в той самой экспедиции на Синие Кристаллы. Только закончивший аспирантуру, он сумел войти в группу желавших доказать теорию искусственного происхождения объектов, а возможно, и всего планетоида. Уж больно выбивался он из законов космологии.

Вместо этого все семнадцать участников бесследно исчезли. Прибывшие после них нашли обустроенную базу, включённые датчики и приборы, множество записей, журнал многообещающих наблюдений. И ни одной живой души.

Единственным телепортом никто не пользовался. Признаков временного пункта переброски тоже не было. Никто и никак не мог покинуть то место, но факт оставался фактом: люди исчезли. Поиски растянулись на год. К ним привлекли тысячи человек, даже перебрали орбитальные спутники. И ничего.

У Вольфа, который сумел пробраться в число спасателей, сложилось впечатление, что люди посередине рабочего дня просто встали и ушли. Не взяв ничего с собой и не оставив ни малейшего намёка на то, куда и зачем.

Пропажа Вадика привела к тому, что члены их семьи постепенно отдалились друг от друга. Если с младшими девочками Святослав ещё виделся, а внучки в нём души не чаяли, то с бывшей женой он не разговаривал много лет.

– Да ладно, хватит, я понял, – Святослава уже отпустило. И слова Егорова стали, наоборот, отвлекать его от мысленного составления списка, что нужно прихватить, чтобы не прыгать каждый раз обратно на Землю. Он сверился со звёздными часами. На точке назначения шла вторая половина дня.

– Через час отправляюсь на Теотехну, – ответил он Егорову. – Буду признателен, если пришлёте все нужные файлы.

– Всё сейчас соберу и отправлю, – кивнул Егоров. – Ни пуха!

Погони редко выходили простыми. В арсенале у инспекторов было не так уж много средств. Они знали местность, имели связи, знали, к кому и за чем именно обратиться. По портрету и настроению пропавшего могли примерно представить, куда тот направился. У Вольфа

был свой секрет – не раз доказавшая свою эффективность интуиция: не найденные у него случались нечасто.

Вернувшись в кабинет и прикидывая, с какого бока начать есть подложенную ему свинью, Святослав налил себе крепкого красноярского кофе и откинулся в кресле.

Итак, менее чем за час его буквально силой затолкали в «приключение». Нет, конечно, он не старый брюзжащий домосед, а действующий инспектор. Но это не мешает ему предпочитать хорошо подготовленные поездки. Импровизация требуется, только если не хватает умения подготовить план – таким было кредо Вольфа.

Задача первая – найти помощников. Список полезных контактов инспектора в различных мирах включал сотни имён. Но, перебирая их в уме, он поочерёдно откладывал в сторону тех, кто был слишком занят, слишком капризен, недостаточно надёжен или потребовал бы ответных услуг. В итоге выходило не так много подходящих кандидатов. В итоге Святослав остановился на трёх.

Что на Теотехне он выйдет на искомую камеру, Вольф не сомневался – там аккуратно вели учёт продаваемых гаджетов. С местными тоже проблем не предвиделось: в прошлом он уже сотрудничал с ними и знал несколько очень приличных людей. Но нужно было протянуть ниточку дальше – к покупателю. Как? «Следуй за деньгами» – этот принцип работает во все времена.

Если вовлечены финансы, значит, нужна Лада Свиридова, топ-менеджер Гильдии, которую он знал чуть ли не со старта её карьеры. Проницательна, умна, талантлива, и, главное, он ей доверял.

Допустим, первый этап прошёл успешно. Нашли камеру, нашли счета, и если... («Когда», – поправил Вольф сам себя) он найдет незнакомца, то дальше что? Вежливо спросить, не будет ли тот любезен пройти вместе с ним в ближайший телепорт? «Не волнуйтесь, не в прокуратуру, для начала к следователям. Постойте! Куда же вы бежите, товарищ?!» Нет, нужно быть более убедительным. Например, иметь массивную фигуру рядом.

С этим было проще. Александр Жанботаев не просто считал Вольфа своим другом – он отчего-то был уверен, что находится перед Святославом в важнейшем долгу. А иметь в сопровождении опытного ветерана и мастера боевых искусств – это аргумент для любой ситуации.

Ну а третьим был профессор Конев. Жизнелюб, интеллеktуал, душа компании. Он мог разговорить кого и где угодно, моментально и непринуждённо сходясь с людьми, заодно заметно снижая любую настороженность со стороны новых знакомых. Его можно брать сразу на Теотехну – Альберт будет только благодарен за экскурсию.

Москва-река продолжала своё ленивое путешествие, под окнами зеленел сквер, каменные фасады зданий напротив грелись в лучах осеннего солнца.

Святослав открыл на экране последний кадр присланного ролика. Камера здесь поднялась на максимальную высоту, и город был виден целиком. С этого ракурса он окончательно терял сходство с земными поселениями. Никакого центра, улиц или направлений. Условные кварталы совершенно не походили друг на друга. Не было плана или цели. Как будто кто-то капнул на поверхность ядовитым механическим зародышем. А тот стал расползаться по планете, протягивая свои мёртвые щупальца, укрепляя их каркасом, назначая функцию, и затем, выбросив из головы, двигаться дальше.

Несомненно, это образование нужно было найти. Но никакого предвкушения охоты и азарта погони инспектор не чувствовал: если честно, миссия ему претила. Но долг есть долг. Святослав допил кофе и ещё раз посмотрел на часы с планетарными поясами. В пункте назначения наступил ранний вечер. Можно было выдвигаться.

Глава 2. Теотехна (Бореалис-2)

Телепорт сам по себе не ощущается. Но тело, которое постоянно распыляют на кварки и собирают заново где-то в другом месте, – это вам не детский конструктор. Спустя десятки лет и тысячи прыжков начинаешь замечать: утро становится тяжелее. Хотя, возможно, это просто игры разума.

Визит на Теотехну выглядел вполне рядовым заданием, но всё равно не стоило отправляться одному. Стремление привлечь к спецзаданию сторонних лиц могло показаться легкомысленным только на первый взгляд. К незнакомым компаниям лучше подходить тоже группой или хотя бы вдвоём. Лишняя пара глаз никогда не будет лишней.

С собой Вольф взял Альберта Конева. Казалось бы, профессор-социолог не совсем подходит для оперативной работы. Но не для поисковых выездов. Обаятельный, эрудированный и азартный спорщик, Альберт мог завязать беседу с кем угодно и о чём угодно. И уже через пять минут развести собеседника на такие подробности, которые ни в каком ином контексте вообще бы не проявились.

Альберт с удовольствием согласился, заявив, что на Теотехне не был уже сто лет и немедленно отправляется. Насчёт «немедленно» оказалось не метафорой. Когда Вольф прибыл, профессор уже был на месте. Невысокий, упитанный, с заметным брюшком, в небольших круглых очках, да ещё и в неизменном костюме с галстуком-бабочкой, он мог со стороны произвести комичное впечатление. Тем более что его широкое лицо обычно светилось приветливым добродушием. Но при близком общении с Коневым за его искренним энтузиазмом и интересом к собеседнику можно было внезапно поймать очень проницательный взгляд. Напекающий, что человек отнюдь не так прост, каким первоначально кажется.

Сейчас Альберт Конев стоял на открытой галерее, протянувшейся на сотню метров на выходе из межпланетного узла, и ошеломлённо смотрел на панораму Большого Купола.

В этом он был не совсем одинок: рядом сдерживали шаг другие прибывающие – производимый эффект ничуть не смягчался количеством визитов. Каждый раз ощущение было как у аквариумной рыбки, впервые оказавшейся в океанариуме.

Бореалис-2 была одной из первых открытых планет. Тогда даже Марс показался бы на её фоне межпланетным курортом, так что освоение сразу потребовало самых лучших технологий. В результате собрали команду передовых инженеров, которые поставили себе целью создать лучшее из доступного человечеству, превратив эту цель в отдельную школу, привлекая учеников и последователей. В итоге спустя восемьдесят лет Теотехна выглядела именно так, как представляли XXII век в книгах и фильмах прошлого.

Представьте себе впечатления первобытных парижан от возведённой Эйфелем в центре города стальной конструкции и умножьте эти ощущения на порядок.

Купол раскинулся под чёрным небом открытого космоса – и, как предел возможностей и функциональности, он завораживал своей невозможностью. Согласно техническим планам, всё внутреннее пространство было использовано максимально: это была полусфера, полностью поделённая на закрытые коробки разных форм и размеров. Только ни одной из них не было видно. От скрытого в туманной дымке подножия до самого свода, с любой точки периметра трёхкилометрового купола, можно было видеть его дальний край. А между наблюдателем и звёздным небом простиралось царство ажурных конструкций и редких монументальных строений, вроде Радужного Дворца, Торговой башни, Зала Предтеч и еще дюжины зданий, имеющих отдельное значение для жизни колонии.

Колонны, уходящие на километр вертикально вверх и шириной едва в несколько метров. Поперечины толщиной в руку, развёрнутые в причудливые сети, формирующие объёмные многоугольники, фракталы и кристаллические решётки, – в каждой части города соблюдался

свой стиль. Причём все они гармонично переходили друг в друга, создавая настоящее произведение искусства.

Закручивались пандусы, возносились арки, парили в воздухе витражи, ниспадали зелёные каскады висячих садов. По едва заметным линиям дорожек или просто прямо по воздуху проходили люди; на нитках направляющих мелькал внутренний транспорт, возникая из воздуха и исчезая в никуда. Для создания подобного эффекта были использованы не только запредельно сложные расчёты, но и весьма энергозатратный способ: квадратные километры экранов обманывали наблюдателя, транслируя виды с иной своей стороны. Свет проходил насквозь через весь купол, не касаясь сотен и тысяч скучных, обыденных помещений и не нарушая эстетику космического города-невидимки.

Вольф подошёл к ожидающему его спутнику и затем несколько минут терпеливо стоял рядом в ожидании: профессор увлёкся вычислением, где именно, собственно, прячутся жилые и служебные блоки. Святослав внутренне только посмеивался. Сам он время от времени тоже пытался всё же заметить изюны технополиса. Пока безрезультатно.

– Поразительно! – профессор наконец заметил, что не один. По традиции, принятой на Эврике, он протянул вперёд указательный палец – встречное прикосновение заменяло рукопожатие. – Несколько добавленных строений, измененная структура опорных конструкций – и совершенно другой образ города!

– Тоже рад встрече, Альберт, – поприветствовал Вольф друга. Они не виделись уже довольно давно, но Конев всегда и со всеми вёл себя так, будто расстались буквально вчера. – Как насчёт того, чтобы продолжить наблюдение в динамике?

К этой идее тот отнёсся с полным одобрением, и спутники направились к ближайшему широкому пандусу, следуя плавному потоку межпланетного узла.

Через несколько десятков метров тот начинал ветвиться на более узкие мосты, которые лентами расходились в разные стороны и на разные уровни. На небольших площадках, примыкающих к поддерживающим конструкциям, виднелись двери межэтажных лифтов. Альберт только головой вертел и цокал языком. Затем не выдержал и остановился возле стеклянных перил, немного перегнувшись через них и глядя вниз. Уровень за уровнем уходили вниз, теряясь в тёмно-зелёной дымке десятками этажей ниже.

– Если, скажем, бросить монетку, насколько далеко вниз она улетит? – с интересом спросил он у Вольфа. – Я понимаю про иллюзии... Но отказываюсь их принимать.

– Можешь сам прыгнуть, – хихикнул Вольф. Он как-то раз сопровождал ремонтную бригаду и видел изнанку технополиса. – Мы идём не по мостику над бездной, а по крыше грузового терминала. Так что до твердой поверхности здесь около метра.

Пронёсшаяся мимо грузовая капсула вызвала рябь реальности: экраны не успели идеально подстроиться под скоростной полёт. Альберт проводил её взглядом и продолжил допрашивать Вольфа:

– И зачем всё это непрактичное позёрство? – в его голосе возмущение смешивалось с восхищением. – В тысячу раз дешевле построить систему из небольших или даже очень больших куполов, чем вот этот колоссальный комплекс.

Здесь в нём говорил эврикиец. Его колония была, вне всяких сомнений, заслуженная и собравшая больше единиц IQ на кубический метр купола, чем где-либо ещё, но при этом живущая на весьма умеренном бытовом уровне. Разумеется, эврикийцы преподносили это как признак взрослого стоицизма. Но негласно признавали, что теоретический характер их работ делал доходную часть колонии весьма скромной.

– Коллега, это очень даже практичное позёрство, – усмехнулся Вольф. – Одни технологии тянут за собой другие. Когда мне это объясняли лет сорок назад, здесь не было и сотой доли от имеющегося сегодня и планы выглядели утопией. Тем не менее техноложцы всё сделали правильно.

– Что именно правильно? – со скепсисом спросил профессор. – Тут же гигаджоули уходят только на визуальные эффекты. Это не учитывая вычисления и потраченные ресурсы... Внеземелье богато, но не настолько же!

– Не настолько, Альберт, не настолько, – с удовольствием согласился Святослав. – Поэтому им пришлось экономить. А экономия – великая наука! Общий архитектурный ансамбль при ограниченных ресурсах компенсируется инженерией. Оттачиваются таланты. А затем как-то всё само закручивается...

– Усложнение на ровном месте, – проворчал Конев.

– А вот это, профессор, очень бестактная область, – предупредил Вольф. При этом он был вполне серьёзен. – Спрашивать про достижения не только можно, но и нужно. Но следует избегать выражений вроде «Раз такие умные, почему не можете наладить выпуск телепортов?»...

– Вообще-то действительно, почему? Коллективы на Теотехне с их уровнем должны быть сверхгениальными. Или нет?

– Десять раз они их переизобрели, – закрыл вопрос Святослав. – Интеллект у них есть. Вычислителей для реализации не хватает.

Задумавшись, профессор Конев начал понимать ситуацию. Решить задачу, а потом упереться в Предел мощности железа и софта – это вполне себе драма и скрежет зубовой... Причём безвыходный: суперкомпьютеры ведут к появлению супервирусов – это известно ещё по истории Земли. А на чужой планете шатдаун – это смерть.

Он даже искренне посочувствовал им: у него тоже имела драму в профессиональной карьере. В его квалификации социального инженера никто не сомневался. На своих исследованиях он защитил докторскую, когда другие едва становятся кандидатами. А его монографии по эволюции раннего Внеземелья стали классикой. Проблемы пришли когда космические поселения сформировали социальные характеры, которые могли иметь сколь угодно схожих черт, но никак не желали сводиться в единую схему.

Не сдающийся профессор в итоге перешёл к настолько сложным и многоуровневым теориям, пытаясь вводить всё новые понятия и интерпретации, что стал широко известным в узких кругах «оператором совы и глобуса». Только те, кто имел достаточно терпения, видели, что Конев искренне старается быть объективным и не упорствует в заблуждениях. Но большинство видели в нём чудака. Альберт это понимал и внутренне страдал.

– Хорошо, поднимать эту тему не буду, – согласился Конев. – Но как они сами справляются с этим?

– Всё гениальное просто, – усмехнулся Вольф. – Коллективы оставили для начинающих инженеров и несложных проектов. Например, сделать город невидимым. А мастера развивают индивидуальные навыки.

– Это же контрпродуктивный архаизм, – Конев покачал головой.

– Я бы сформулировал иначе: это путь доступного прогресса. Мастер, создающий шедевр, подходящий к самой грани возможных технологий, – это уже не ремесло, а искусство.

– Например? – заинтересовался Конев.

– Один из недавно перешедших в верхнюю, фиолетовую касту сделал в качестве вступительного шедевра световой меч.

– Боевой? – у Альберта округлились глаза.

– Чтобы бегать по Галактике и сражаться со злом? – идея развеселила Святослава. – Нет, сделал для души: любить «Звёздные войны» – это не наказуемо. А поскольку исполнение потребовало интеграции в рукоять микроскопической чёрной дыры, то изделие признали настоящим торжеством технологий.

– Он сделал что? – Конев даже остановился. – Я и не знал, что у нас есть такое.

– Такого и нет... – Вольф пожал плечами. – Меч будет завершён, когда чёрные микродыры появятся. Но, судя по чертежам удерживающих полей, всё должно получиться.

– В этом есть своя ирония: признать идеальным выдуманный и так и не сделанный меч... – профессор задумался. А потом тяжело вздохнул. – Все мои работы – изначально теоретические. И отчего-то никто не хочет посвятить меня в гранд-мастера.

– Приготовьтесь к тому, что здесь много умозрительного, – предупредил Вольф. – Амбиции у технарей сильно опережают их возможности. Тема очень деликатная, поэтому рекомендую именно её обходить стороной. Кстати, вот и наш провожатый.

Встречающий спутников Дао-Джей Муравьёв был типичным технологом: худощавый, бледный, с чуть вытянутым и расширяющимся кверху черепом. Условия под куполом отличались от земных разве что более низкой гравитацией, и для гостей подобной отдельной метаморфозы на время посещения не предлагалось. Но местные учёные светила высчитали генетический баланс, прибавляющий несколько процентов активности мозга, и постоянные жители колонии отныне строго следовали ему.

Отличали лично Муравьёва выдающийся длинный нос с горбинкой и густые, почти чёрные прямые волосы, зачёсанные назад. На правом виске был вытатуирован шестигранник со сложным лабиринтом внутри него: его синий цвет означал принадлежность ко второй по старшинству касте Теотехны. Скользящий взгляд тёмных запавших глаз иногда замирал на долю секунды, словно считывая данные с реальности.

Приветствие технолога было кратким. Время здесь считалось ресурсом отдельной ценности, так что переход сразу к делу был признаком вежливости. То, что Муравьёв рад встрече с Вольфом, знакомому с местным этикетом было очевидно: он не только первым протянул руку, но обратился прямо по имени. Просьбу о помощи также воспринял как само собой разумеющееся, сказав:

– Пойдёмте.

Проведя Вольфа и Конева через несколько уровней и коридоров, Муравьёв привёл их к небольшой двери, за которой открывался небольшой офис, почти не отличающийся от земных: столы, стулья, пластиковые шкафы, канцелярская электроника.

Муравьёв попросил гостей подождать буквально минуту. В это время в ответ на его команду уже развернулись несколько экранов и стали послушно выдавать данные. Дао-Джей плавными движениями длинных пальцев художника что-то отмечал на них и листал дальше.

– Не знал, что у тебя есть офис, тем более такой... – Вольф подыскивал нужное слово.

– Обыкновенный? – Муравьёв скосил на него глаза и едва заметно улыбнулся.

– Спартанский, – нашёлся Святослав.

– Умеешь выходить из положения, – Дао-Джей улыбнулся на этот раз чуть шире. – Нет, инспектор, это не мой офис. Нашёл ближайшее дежурное помещение для входа на внутренние серверы.

– Это общественное место? – в этот момент не удержался от вопроса Конев. – То есть каждый может зайти и тут устроиться?

– В целом да, – просто ответил Муравьёв. – Хотя что именно можно отсюда сделать, зависит от уровня допуска. Я, например, только что узнал всё о продажах вашей камеры, – сказал он и развернул экран пошире, чтобы всем было видно. – Типовой ширпотреб, – начал вводную Муравьёв. – Их продают десятками в год.

– Десятками? – снова удивился Конев. – Звучит не очень массово.

Дао-Джей уже расплылся в улыбке. Видно было, что визит гостей доставляет ему немалое удовольствие. И назвал цену этой «простенькой камеры».

У профессора глаза полезли на лоб:

– Это же энергопотребление моего купола за год. С хвостиком!

– Они очень дорогие, – согласился Дао-Джей. – Потому что состоят из лучших комплектующих, имеют неограниченный срок службы и способны на работу в экстремальных условиях. Всякую обыкновенность пусть делают другие колонии. А мы производим лучшее.

Это было не рекламой, а констатацией факта. Теотехна торговала уникальными изделиями. Её главный комплекс был Меккой для любого технического специалиста Внеземелья.

Главная торговая галерея была не менее известна из-за своей киногеничности. Одно из немногих зданий Теотехны, не укрытое от внешнего наблюдателя, а наоборот, захватывающее воображение. Широкая спираль из покрытой особым живым газоном улицы закручивалась на два десятка этажей. По внешней стороне шли изящные шпили, слегка расходящиеся вверх. По другую их сторону – галереи с витринами и презентационными образцами. В центре огромного колодца бесконечно изливался водопад. В целом вся конструкция походила на дворец лесного владыки.

Отношение технарей к туристам было положительно-снисходительным: мало кто из прибывших не был ошарашен первым визитом в торговые линии, а придя в себя от витрин и переходя к каталогам, снова не ронял вставшую было на место челюсть.

– Давайте посмотрим записи из нашего «питомника для шопоголиков», – предложил Дао-Джей. Его синий статус давал ему широкий доступ даже к частным системам.

Место приобретения камеры нашлось почти сразу – в середине торговой галереи. Через несколько мгновений открылся и архив видеозаписей. Далее быстрая сверка по дате и номеру покупки. Наконец был найден нужный фрагмент. У прилавка стоял человек и протягивал руку за футляром, который протягивал ему продавец.

Вольф жадно подался вперёд: вот он, искомый субъект! Увы, запись помогла лишь отчасти. Человек был одет в комбинезон, типичный для большинства купольных миров. Несколько запylённая накидка, глубоко надвинутый капюшон, тёмные очки на пол-лица. Всё, что можно было сказать определённо: мужчина, высокий, немолод.

– Вы его ищете? – кивнул в сторону незнакомца на видео Дао-Джей.

– Если бы я знал... – признался Вольф.

– Мы можем проследить его маршрут, – предложил Муравьёв. – Простое наблюдение может дать тебе новые подсказки.

Вольф кивнул и поблагодарил за идею. В результате за незнакомцем они следили ещё полчаса. Тот прошёл ещё через несколько магазинов. В каждом быстро и уверенно выбирал несколько вещей и складировал их на сопровождающий его грузовой дрон. Причём вскоре пришлось купить и второй такой дрон: покупок набиралось на целую экспедицию.

Когда мужчина приобрёл с десятков каких-то массивных телескопических дубинок, Муравьёв вдруг поставил запись на паузу:

– А вот это уже интересно...

– И что это такое? – поинтересовался Вольф.

– Редкая покупка, – сказал Муравьёв, немного подумав. – Это шокеры против крупных животных.

– Мощные?

– Самые мощные из тех, что можно найти. Не помню точно, но не меньше пятисот киловатт. И зачем они нужны в таком количестве, не могу представить. Ни разу не слышал о планетах, населённых крупными стаями животных опасных видов.

«А что насчёт планет со стаями опасной электроники? – подумал Вольф. – Открыл, значит, затерянный мир, осмотрелся и прыгнул обратно, чтобы экипироваться для охоты. Никому про это не сообщив. Да, интересный тип».

Сразу после шопинга, умело распределив поклажу между дронами, незнакомец сразу двинулся в сторону межпланетного терминала.

– Замечательно, – Вольф остановил запись. – И как узнать, куда он отправился после этого?

– Сам знаешь, что никак, – констатировал Муравьёв. – Впрочем, я бы на твоём месте попробовал поискать его следы на Гармонии.

– Это ещё почему? – удивился Святослав.

Ровно ничего из сделанных незнакомцем покупок не наводило на мысль о том, что он планирует отправиться на самую благоустроенную планету Внеземелья. Являться туда с шоке-рами и караваном дронов не было ни малейшей нужды.

– Его плащ, – Муравьёв произнёс это таким тоном, будто это объясняло всё. Но, видя замешательство собеседника, пояснил: – Он только выглядит поношенным, на самом деле вполне новый. И ещё на нём узоры с внутренними знаками Гармонии, а насколько мне известно, такую одежду они туристам не продают, только местным.

Догадка выглядела натянутой, но допустимой. Хоть какая-то точка для начала поиска. Поэтому, с разрешения Муравьёва, Вольф пересел за терминал и быстро направил запрос на Гармонию с просьбой выделить ему официального сопровождающего советника.

– Не возражаешь, если мы тут немного посидим и дождёмся ответа? – спросил у Муравьёва инспектор.

– Разумеется, возражаю. И приглашаю зайти ко мне в гости и отведать мурманского кофе – его мне прислали буквально вчера.

Конечно, Вольф согласился. И не только из-за кофе, ценителем которого он был. Он давно не видел Дао-Джея. А тот был человек весьма интересный в общении и ещё более ценный как источник. Теотехна была одним из главных узлов, куда стекались новости со всей Галактики. Узнать, что сейчас в трендах, – бесценно. К тому же своими мыслями Муравьёв делился далеко не со всеми. Сами события для него были неинтересны, а вот поиск второго дна и неочевидных последствий – в этом своём хобби он имел весьма богатый опыт.

Спустя десять минут поисковая группа расположилась в личном кабинете Муравьёва. Через стеклянный потолок огромная сфера газового гиганта заливала сине-зелёным светом просторные, вытянутые, со вкусом обставленные апартаменты с солидной библиотекой и коллекцией механических редкостей.

Пока хозяин возился с туркой, профессор попросил у него разрешение осмотреться. В девяноста девяти случаях из ста Альберт предпочёл бы сразу начать беседу. Но уж больно был необычен интерьер. Вдоль стен на небольших пьедесталах стояли, вращались или неярко светились самые диковинные экспонаты. С пояснениями возле каждого – что это, зачем и как.

Пока он осматривал экспонаты и со всем вниманием читал комментарии, Вольф и Муравьёв начали ритуал обмена новостями и мнениями. Беседа потекла своим чередом и, пройдя по свежим большим галактическим событиям, плавно перешла к фигуре отслеживаемого покупателя.

– Что думаете насчёт него? Навскидку, любые догадки, – для Вольфа сторонние впечатления были всегда интересны. Тем более от людей умных и проницательных.

Дао-Джей потёр подбородок, затем наклонился и подлил кофе гостю и себе. Было видно, что над вопросом он уже подумал.

– Очень непростой тип. По поведению видно, что опытный путешественник. Не стеснён в средствах. Точно составил список необходимого, причём везде с запасом. Не на службе – людей системы сразу видно.

Здесь Муравьёв вдруг решил, что изрёк бестактность, и извинился перед Вольфом. Мол, вас я, конечно, не имел в виду, у всех остальных печать системы на лбу написана, но вы – редкое и приятное исключение. Затем изобретатель продолжил:

– Ведёт себя уверенно, движется так, будто всегда держит ситуацию под контролем. Я бы рискнул предположить, что он исследователь-одиночка. Оценка недавно открытых планет и ещё не осмотренных – в списке наиболее рискованных задач в реестре. Отсюда и источник денег.

Такое предположение было похоже на правду. И объясняло, откуда появилась запись из неизвестного мира. Факт, о котором Муравьёв, кстати, вообще не знал. А вот инспектор доба-

вил ещё одну пометку для себя. Десять чудовищно мощных электроразрядников дают шанс войти в логово киберорганизмов, а затем выбраться оттуда.

В дальнем углу Конев заворожённо застыл возле завершающего экспоната. Это был кристалл около метра в высоту, который радужным веретеном был заиклен в бесконечном, но, безусловно, идеально симметричном вращении.

– Простите, а вы не подскажете, что это? – обернулся он к хозяину кабинета.

Тот горько усмехнулся:

– Святослав, у вашего спутника талант задавать неуместные вопросы.

Вольф пожал плечами.

– То, на что вы смотрите, – это мой шедевр, – наконец ответил Коневу Муравьёв. – Отвергнутый консилиумом, после чего я и остался в синей касте.

– Но почему? Он же прекрасен!

– Красота – неотъемлемое свойство любой вещи, которая точно исполняет свою функцию. Точнее, побочный эффект, – Муравьёв вроде бы констатировал известный факт, но в его голосе были слышны нотки гордости. – Что касается «Альфы и омеги», – продолжил он, – это точно рассчитанная модель развития всех цивилизаций от Большого Взрыва до момента, когда во Вселенной погаснет последняя звезда.

Профессор Конев как социолог со статистикой и прогнозами был на «ты». Горизонт прогнозирования Муравьёва улетал далеко за рамки предположений, которые в науке принято считать обоснованными. И от немедленного вступления в полемику профессора с трудом удерживал природный такт. Поэтому Альберт решил задать нейтральный вопрос:

– Коллега, а помимо итоговой, вне всяких сомнений, блестящей композиции, где можно посмотреть, гм-м-м... расчётную часть?

Дао-Джей вздохнул:

– В этом и смысл шедевра – он самодостаточен. Всё в одном небольшом арт-объекте.

Он повёл рукой, и во всю стену появилась увеличенная проекция «веретена», которая, следуя движениям пальцев своего создателя, стала всё быстрее и быстрее приближаться к зрителям. Гладкая поверхность разбилась на параллельные, идущие плавной спиралью струны, тянущиеся от основания веретена и сливающиеся воедино в верхней части.

Приблизив изображение ещё больше, камера остановилась. В центре осталась только одна струна, чьё протяжное течение в этой части внезапно расширилось в тысячи раз, потом заметалось зигзагами и спустя некоторое время возвратилось к прежней линии и продолжило свой путь.

Муравьёв чуть отдалил панораму, и стало видно, что на соседних струнах также есть такие «ключи». Они никогда не были на одной высоте. Только по левую сторону они лесенкой опускались вниз, а по правую уходили вверх.

– Вот так с точки зрения математики выглядит история цивилизаций. Нити – это временное измерение. Сам объект – это интенсивность технологического развития. Резкий взлёт – и выход на неустойчивое процветание. Затем спад, волна кризисов. И вымирание. Один вид за другим, тысяча за тысячей – вся известная разумная жизнь идёт по одному и тому же циклу... – произнёс Дао-Джей и замолчал, давая гостям осмыслить увиденное.

Откинувшись в кресле, Вольф представил себе Вселенную, неспешной рекой текущую сквозь время. Тёмную, древнюю, с вкраплениями золотых песчинок неизвестных цивилизаций, каждая из которых – лишь краткий росчерк в летописи бесконечного космоса. Блик на поверхности – яркий, но мимолётный. Он видел, как миллионы культур рождаются в тишине туманностей, набирают силу, как прилив захватывают свои миры. Опутывают их сетями городов, связывают правилами и законами, украшают творениями разума. А затем гаснут и рассыпаются в пыль. Они не исчезают бесследно: их достижения становятся посланиями не в словах, а в искривлении самой структуры бытия, оставляют свой отпечаток в истории вечности. Эти

следы не спасают от общего для всех финала, но делают его значимым, формируя поток, где нет героев и падших – только ритм, такой же неумолимый, как пульс звёзд перед коллапсом. И вечное повторение перестаёт быть трагедией. Оно становится метрономом Вселенной – мерным, унылым, но священным.

– Здесь можно увидеть, что будет с человечеством в следующие шесть миллионов лет, – продолжил Муравьёв. – Довольно скоро мы достигнем первого пика. Затем спад, ещё несколько подъёмов. А потом деградация. Как у всех остальных цивилизаций до и после нас...

На этой фразе Вольф оторвался от раскрывшейся ему межзвёздной пустоты и вернулся в тишину кабинета.

– Да вы буквально собрали хронометр судьбы, – похвалил Вольф Муравьёва. – Смело.

– Не надо преувеличивать. Это просто наглядная модель закономерностей.

– Ну да, – легко согласился Святослав. – С конечностью бытия на биологическом уровне смирились. На мистическом – укрылись за надеждой. И тут конструктор Муравьёв доказывает её с помощью беспристрастной математики... Коллега, не спорьте, шаг действительно радикальный.

– Но если все расчёты верны, то всё же почему вашу работу не признали? – профессору Коневу подобный итог казался нелогичным и оттого несправедливым.

– Коллектиум так и не пришёл к консенсусу: их просто выкинуло из сессии.

– По правилу Гнедых? – рискнул предположить Вольф.

– Именно.

– Коллеги, прошу вас, можно понятнее? – Конев впервые столкнулся с этим термином.

– Время сессии ограничено тридцатью минутами. Причём не только рекомендательно, но и технически, – пояснил инспектор. – Хотя столько времени внутри коллектиума мало кто проводит, поэтому и применяется выброс из виртуальности крайне редко.

– Тридцать минут... – профессор быстро мысленно перевёл это в субъективный формат. – Это же больше суток!

– Что показывает: к работе доктора Муравьёва отнеслись со всей серьёзностью, – констатировал инспектор, подумав при этом, что ни одна другая планетарная администрация не стала бы тратить столько времени на амбиции одного из поселян. Технологи в этом плане заслуживают уважения.

Впрочем, и горечь Муравьёва, которому отказали в праве перейти в высшую касту, тоже можно понять: именно к этой цели обитатели Теотехны стремятся всю жизнь. А его остановили в половине шага от заветных фиолетовых татуировок и соответствующего им престижа.

У Муравьёва втайне было своё мнение о причинах произошедшего. Дао-Джей считал, что здесь в очередной раз сработало проклятье «цыганского счастья» – череды неудачливых удач, которые преследовали его всю жизнь. Лучшее земное образование и несомненный инженерный дар толкали его в сторону техники, а лиричный и наблюдательный характер – в зону высокого искусства. Ему хотелось не корпеть над чертежами, а вольно творить! Много лет безуспешных метаний по творческим сообществам были кошмаром, от которого его спасла Теотехна – мир, где искусством было именно умелое техническое созидание. И что в итоге? Безнадёжно прерванный полёт к вершине. Но Дао-Джей не стал меланхоликом. Он приспособился и принял роль наблюдателя, пусть несколько циничного, но ни в коем случае не злорадствующего – по натуре Муравьёв был неплохим человеком. Но его любимая внутренняя фраза была: «А я же говорил». Хотя он принципиально никому и ничего не говорил.

– Давайте вернёмся к нашим баранам, – вернулся Дао-Джей к миссии Вольфа, будто ничего не произошло. – Раз ваши поиски на нашей планете принесли вам успех, не окажете ли ответную любезность? У нас тут творится странное в последнее время.

– Конечно, коллега, – инспектор показал жестом, что он весь во внимании.

– Видите ли, – продолжил Муравьёв, – любое общество держится на доверии – на том, что принятые правила неизменны. Но с недавних пор совершенно бытовым фоном звучат предложения, подрывающие самые устои Теотехны. Но всем как будто всё нормально.

Дао-Джей вышел из-за стола и нервно прошёлся по кабинету. Явно цитируя кого-то, он пафосно поднял правую руку и ткнул указательным пальцем в зенит:

– «Данные за двадцать лет показывают снижение продуктивности и общего уровня IQ на фоне растущей миграции. Мы просто обязаны приостановить выезд и въезд, пока не стабилизируется внутренняя динамика. Нужно вернуть баланс на ту высочайшую планку, которую ставит перед собой наше общество».

– Закрывать планету? Серьёзно? – опешил Вольф.

Муравьёв пожал плечами:

– Пока неофициально, но обсуждение уже началось. Святослав, у вас как у инспектора же есть доступ к картам развития? Не подумайте, что я прошу вас злоупотребить положением. Но, может, посмотрите, что происходит?

– Обязательно посмотрю, – пообещал Святослав.

Доступа к Ядру у него не было, но к ежедневным сводкам – да. Дайджест работал не со слухами и предположениями, а с событиями и фактами, но пропустить смену планетарного вектора такого типа он не мог.

Вольфа отвлёк мигающий браслет – пришло сообщение: с началом второй смены на Гармонии его будет ждать сопровождающий. Кивнув профессору, он извинился перед Дао-Джеем: им пора было идти.

Муравьёв с неохотой отпустил гостей, причём взял с профессора слово, что тот непременно заглянет к нему на днях и они завершат беседу. Вольфу он пообещал собрать более релевантную информацию о происходящем на Теотехне.

Глава 3. Гармония (Расальгети-7)

Кабина телепорта открылась с привычным мягким шипением, и Святослав Вольф шагнул вперёд. Мир, в который он вышел, был полной противоположностью техногенной сферы Теотехны. Открытое, бездонно-голубое небо, воздух резал лёгкие сухим пряным теплом. Кажется, неизвестный художник нарочно стёр облака с полотна, чтобы ничто не мешало бесконечному простору.

На холмах раскинулся город, словно сошедший с древних фресок Эллады в пору её расцвета. Среди оливковых рощ и садов стояли небольшие дома с обязательными мраморными колоннами. Крупные общественные здания выделялись фронтонами и портиками. На высоком холме вдалеке доминировал храм – строгий, с византийскими нотками в куполах, где античная красота сочеталась со старым православием.

Много лет назад Вольф уже бывал здесь, когда колония только вставала на ноги. Терраформирование кислородного, но безжизненного мира казалось тогда утопией. Первая группа состояла из энтузиастов, мечтавших о новом обществе. Они отвергли последние два тысячелетия земных ошибок, пытаясь реконструировать античный идеал – не просто утопию, а общество, где поиск гармонии во всех проявлениях стал главной ценностью. Без тяжёлого багажа старых грехов, на девственной планете, с чистого листа.

Именно в этот мир шагнули Святослав и Альберт. Вольф задержался у инфопанели терминала, а Конев вышел на смотровую площадку и с явным удовольствием обозревал долину.

– Ну, как вид? – поинтересовался Вольф, подходя.

– На редкость умиротворённо, – ответил Конев, жмурясь от солнца. – Каюсь, ни разу не был в Древней Греции, но примерно так себе её и представлял. Хотя, не побоюсь сказать, это самое безбожное расточительство терраформированного пространства.

– А вы приглядитесь, – возразил Вольф с лёгкой улыбкой. – Сады, усадьбы, храмы, скверы – насколько мало вокруг людей... За декоративными входами начинается сеть служебных тоннелей. Под всей этой безмятежной Аркадией еще двадцать подземных этажей – именно там живёт большинство, там энергетика, инфраструктура, гидропоника...

От площадки в сторону города вела на удивление узкая песчаная дорожка. Спутники ступили на неё, и песок мягко заструился под ногами, унося их вперёд с тихим шелестом.

– Вот это поворот! – восхитился Конев, балансируя на одной ноге. – Наши философы где-то откопали довоенный транспортёр.

Вскоре дорожка плавно затормозила, переходя в светлую брусчатку. На ней в ожидании стояла юная девушка в лёгком белом хитоне с золотым узким поясом и в сандалиях со шнуровкой до голени. Волнистые русые локоны перехватывал золотой шнурок. Невысокая, стройная, очень миловидная. К её лицу сердечком и ямочке на подбородке очень просилась озорная улыбка. Но сейчас её светло-голубые глаза смотрели на посетителей со всей серьёзностью.

– Ярцева, – представилась она. – Получила сообщение, что прибывший инспектор нуждается в поддержке.

– Вольф, – отозвался Святослав.

– Конев, – Альберт отвесил галантный поклон. Его взгляд оживился – молодых красивых девушек он считал самыми благодарными слушательницами.

– Ваш мир невероятно динамичен, – заметил Вольф. Молодая женщина казалась ему смутно знакомой, но он не мог вспомнить, где прежде виделся с ней. – Я помню, огороженная зона терраформирования была радиусом едва с километр. А сколько сейчас?

– Больше тридцати, – с ноткой гордости ответила гармонийка. – Очистка атмосферы идёт быстрее плана. Через пару поколений фильтры стен могут стать ненужными.

Неспешная прогулка вывела их в просторный пустой сквер во французском стиле.

– Одно из моих любимых мест, – пояснила девушка. – Наводит на приятные мысли, которыми удобно делиться...

Здесь она сделала паузу, позволяя гостям озвучить их намерения. Святослав не удержался.

– «Музей Сбывшегося Завтра» и особая комиссия Института социологии планеты Эврика собирают рабочую группу по этической модификации Внеземелья, – произнёс он с самым серьёзным видом. – Вы не могли бы порекомендовать учение с Гармонии, которое стоит сделать обязательным для всех колоний? И в паре слов объяснить, почему именно так?

Вежливое внимание на лице девушки сменилось удивлением, а затем озадаченностью и лёгкой паникой.

– Я... я не вполне компетентна в подобных вопросах, – аккуратно начала она. – Вообще... Даже не смогу так сразу. Можно чуть подумать?

Перехватив укоризненный взгляд Конева, она фыркнула:

– Ну знаете! – её возмущение было таким искренним, что дыхание перехватило. Затем она расхохоталась, оценив шутку: – «В паре слов обоснуйте»... Между прочим, «стандартам» совсем не подобает прилетать на Гармонию, чтобы издеваться над бедными девушками! – в притворном гневе добавила она и по-девчоночьи показала язык.

Вольф широко улыбнулся. Наконец вспомнил:

– Ирма!

У инспектора была отличная память на лица. С Ярцевой он пересекался семь лет назад, и обстоятельства были неординарными. Юная Ирма тогда с пылом защищала новое учение на теологическом коллектиуме. Сценарий прошёл гладко, идея получила статус. Девушка в восторге представляла Вольфа автору учения и своим соученикам как непредвзятого инопланетника, отстаивавшего правоту.

– Я была тогда несколько моложе, и, конечно, вы меня не узнали. А вот я вас – сразу да! – довольно улыбнулась она.

Лёд официальности между ними растаял.

– Я просто застеснялся и не подал виду, – почти серьёзно заявил Вольф, вызвав у девушки ещё один смешок. Затем поднял руку, высветив над запястьем портрет незнакомца с Теотехны. – Никаких опросов мы не проводим. Просто ищем этого человека. Несколько недель назад он должен был появиться здесь. Нам чрезвычайно важно найти его.

Ирма внимательно посмотрела на голограмму, перехватила запястье Святослава и деловито повертела им.

– Вы ведь природный интуит не только в виртуальности? – вдруг спросила она.

Вольф приглашающе приподнял бровь.

– Да, видела его и даже запомнила, – отметила Ирма с весёлым удивлением. – Ваше предвидение именно так работает? Прибываете в чужой мир, выбираете первого встречного – и немедленно получаете ответ?

Свежий след!

– Чем именно он вам запомнился? – проигнорировав шпильку, уточнил Вольф.

– Нечасто увидишь, как кто-то очень активно насаждает на самого Фёдора Бакунина, – пожалала плечами Ирма. Она нахмурилась, и в её глазах промелькнула тень.

Вольфа удивило: имя Бакунина прозвучало из её уст без уважения, с негативом. А ведь когда-то Ирма защищала именно его учение.

– Когда это было, хотя бы примерно?

– Впервые? Месяца три назад, весной. С тех пор видела его ещё несколько раз. Но после той ссоры – больше нет. Точнее, его я не видела, – поспешила уточнить она.

Мысленная пометка Вольфа: для того субъекта планета Гармония – не случайная остановка.

– А это точно была ссора?

– Слов было не разобрать – они далеко стояли. Капюшон он откинул, очки снял. Высокий, седой, старше вас. Намного старше.

– Почему вы решили, что это ссора?

– Сам факт, что на Бакунина кто-то повысил голос при свидетелях, – уже конфликт. «Прозревшие» носятся с ним, как с пророком.

Святослав услышал нужное. Хотя момент с Бакуниным его удивил. В своё время тот основал толковую школу – синкретизм Аристотеля, Платона, Сократа, цельный, изящный, глубокий.

По словам же Ирмы, с пути самосовершенствования Бакунин свернул в остросоциальные вопросы. Здесь Ирма скривилась, слегка передёрнув плечами.

– Умный не всегда значит хороший, – заметил Вольф, кивая на спутника.

– А что с ним не так? – заинтересовалась Ирма.

– Рассказать про Мценск?

Конев категорически замотал головой.

– Наш профессор почти убедил главу одной колонии перейти на контур Дробышевского.

– И что не так с продвинутым синтезом? – удивилась Ярцева. За технологиями она явно следила.

– Да, сохранять оригинальные нотки природной среды – это... – Вольф коснулся губ пальцами, выдохнул: – Бениссимо!

– Итальянские тортики – фантастика, – охотно согласилась Ирма.

– Верно. Только Мценск – рудодобывающая колония. Славится актиноидами.

Девушка вытаращила глаза, перевела взгляд на покрасневшего Конева – и расхохоталась.

– Деликатесы со вкусом урана – свежее решение, – невозмутимо заметил Вольф.

– Я просто ошибся планетой!

Конев отыгрался парой историй об учёных, попадавших в гораздо более конфузные ситуации. А затем усилил впечатление ужасно пошлым анекдотом. Ирма хохотала взахлёб, Конев довольно жмурился. Вольф посмотрел на обоих и предложил вернуться к теме.

Альберт прекратил шутить и горячо поддержал Ирму в её чутье к бесполезным учениям, приведя ряд исторических примеров, как легко таковые превращались в опасные секты. Ярцева посерьёзнела и согласно кивала.

По её словам, окончательно уйти она решила после того, как название «восходящие» сменилось на «прозревших». Но вместо таких, как она, пришли десятки и сотни тех, кто искал именно подобное. Разочарованные в себе и своей жизни. Ищущие причину неприятностей вовне. Что ещё более тревожно – много приходящих с Фронтира. И именно туда почему-то чаще всего стал ходить отец Фёдор.

– В общем, вот вам наводка. Именно так ведь говорят в ваших детективных делах? – спросила она в завершение разговора. Помочь инспектору, который выполняет особую миссию, – эта роль явно пришлась по душе девушке.

На вопрос профессора, как же отличить подозрительных сектантов от добропорядочных служителей культа, Ярцева снова с удовольствием рассмеялась.

– Узнать «прозревших» просто, – ответила Ирма. – У них светлые одежды и синие плащи с кантовым узором. Если увидите кого-нибудь с витой серьгой – точно один из них.

– Серьги? А если это мужчина?

– Как раз на них эти украшения выглядят особенно стильно, – гармонийка задумчиво провела пальцем по своему уху от мочки до самого верха завитка.

– Огромная благодарность за консультацию, – Вольф был настолько признателен ей, что даже отвесил полупоклон. Его уже охватывал азарт приближения к цели.

– А можно вопрос? От ваших инспекторов инфокристаллы идут чаще обычного... Мы что-то делаем не так? – спросила Ирма напоследок.

Здесь тоже? Похоже, его молодые коллеги работали на выездах не покладая рук. Если пошло интенсивное обновление, с чем это связано? Ядро нашло гениальную стратегию? Вольф сделал мысленную пометку: уточнить график обновлений в музее.

– Давайте обменяемся контактами, постараюсь что-нибудь узнать.

– Пишите сразу, не стесняйтесь! – прощаясь с гостями, ответила Ирма и лёгким шагом отправилась по своим делам.

Святослав аккуратно развернул профессора, который одухотворённо провожал взглядом девушку.

– Как тебе Гармония, коллега? – не удержался от подколки Вольф.

– Не разочаровала, – Конев довольно кивнул и с показной бодростью продолжил: – Так что теперь? Отправляемся на Фронтир, берём «языка» и допрашиваем?

Было видно, что к преследованию он морально готов.

– Не спешите, профессор. Нужен сопровождающий... – придержал коней Святослав. – Кстати, а почему Ярцева в начале встречи назвала меня «стандартом»?

– Ты не знаешь? – удивился Альберт. – «Стандарты» – это коренные земляне. Скучные, мол, и обыкновенные.

После чего всем видом показал, что про Вольфа ничего такого он не думает. На этом они у телепорта и разошлись.

В это время Ярцева бесцельно брела по тенистой дорожке. Из-за воспоминаний на душе у неё скребли кошки. И факт, что никто на Гармонии, кроме неё, не видел опасности от бакунинцев, не давал девушке покоя. Ей срочно требовалось поговорить серьёзно и по душам. Потому она решительно отправилась к отцу Якову.

Он сидел за небольшим столиком в уютной беседке позади периптера Афины Софии и листал «Ведомость» – одно из немногих оставшихся бумажных изданий.

– Что интересного пишут? – спросила девушка.

– Непоседа, ты, что ли? – отец Яков отложил газету в сторону. – Даже не здоровается. Ну и молодёжь нынче...

– Конечно же я здоровалась! Я очень воспитанная, а вы меня с утра проигнорировали.

– Да? Гм... – старик провёл рукой по длинной седой бороде. – Ну, тогда здравствуй, красна девица.

Лицо, изрезанное морщинами, тонкие сухие руки, скромная летняя ряса, в ясных глазах огоньки озорства – на одного из самых именитых проповедников отец Яков не походил. Хотя с кафедры он гремел так, что птицы разлетались и штукатурка сыпалась.

Ирма послушно присела и вдруг поняла, что не знает, с чего начать.

– Лицо у тебя – как у путника, который увидел на дороге змею и не знает, предупредить других или обойти её стороной, – наконец сказал отец Яков. – Говори уже.

Раньше Ирма ни с кем не говорила о «прозревших». Будучи в своё время одной из самых пылких сторонниц этого учения, признаться теперь, что была дурой, ей не хотелось. Но разговор с двумя сторонними людьми словно проложил в её душе нужную трещину. И теперь она не желала держать это в себе.

На отца Якова за пять минут вылился сбивчивый поток признаний, раскаяния, злости и тревоги. О том, как рядовой философ превратился в пророка, а его учение вместо уроков стало догмой. О появлении избранных. О том, как вопрос «Что я могу изменить в себе?» сменился на «Что нужно сделать с этим миром?».

– И за ними уже идут на Фронтир, отец Яков! – голос её дрогнул. – А там может быть всё что угодно! Я же видела, что за рожи у этих новых последователей. Наверняка уже не просто вербуют людей, а скупают оружие. И кто знает, что они замыслили! – тут она прервалась,

потому что от внезапной догадки у неё перехватило дыхание. – Фронтир! Это же ворота новых миров! Они наверняка готовят захват...

Здесь Ярцева прервалась, пытаясь сама осознать, что сейчас наговорила.

Отец Яков слушал, сложив на столе руки и не перебивая. Когда она закончила, в келье повисла тишина, наполненная лишь щебетанием птиц.

– Ну, про армию злодеев-поработителей ты немного преувеличила, – наконец сказал он. И в его голосе прозвучали явные весёлые нотки.

Ирма было вскинулась, но монах уже поднял руки в успокаивающем жесте и посерьёзnel.

– А вот про «прозревших», к моему глубокому сожалению, ты права, – на его лице при этих словах прорезались мрачные морщины. – Тень действительно возвращается в мир.

Он медленно поднялся и сделал несколько шагов, ведя рукой по резьбе деревянных перил.

– Бакунин – отнюдь не единственный, – с горечью сказал монах. – И не он придумал игры с потерянными людьми. Старая песня: мир несовершенен, потому что в нём есть «другие». И если очистить мир от этих «иных», наступит золотой век. Греки назвали это «гйбрис» – дерзостью, ведущей к гибели. Христиане – «гордыней», матерью всех грехов.

– Но они же искренне верят в то, что несут свет! – воскликнула Ирма.

– Самые страшные костры разжигают искренне верующие, дитя моё, – тихо сказал Яков. – Сомнение – удел взрослого ума. А слепая вера – оружие ребёнка, который нашёл спички. Бакунин... он не злодей. Он симптом тревоги и неудовлетворённости. А когда всё бессмысленно и скучно, люди ищут простые ответы и вождей.

Он снова сел, и от его голоса, ставшего ещё тише, по спине Ирмы побежали мурашки.

– У кого достаточно сил, чтобы биться с внутренними демонами в одиночку? А объединяясь против внешнего зла, люди перестают видеть его в собственном сердце. Ты спрашиваешь, откуда тень? Она всегда здесь. Но сейчас... – отец Яков положил руку на лежащую рядом газету. – Я читаю о событиях, которые неумолимо двигают мир в одном направлении. Как будто кто-то нашёл ключи ко всем дверям и начал вкачивать в нас яд сомнения.

– Кто? – прошептала Ирма, чувствуя, как холодный комок сдавил ей горло.

– Не знаю... – отец Яков прикрыл глаза. – Но я вижу ритм, который толкает к одним и тем же выводам: нужно сломать, очистить, начать сначала.

– И что делать?

– То, что ты уже делаешь, – ободряюще ответил отец Яков. – Видеть. Сомневаться. Не давать страху затмить разум, а злости – выдать себя за добродетель. Самое сильное оружие против любой лжи, любой тени – это не меч, а огонь внутри.

Он благословил её простым движением руки. Ирма вышла из кельи, и её охватил контраст: физическое тепло солнца и ледяное прозрение внутри. Мир катится к черту? Ну и пусть. Если отец Яков считает, что оружием должно быть трезвомыслие, то она будет готова!

День второй

Глава 4. Спартак (Неккар-2)

Это был крайне своеобразный мир. Здесь обретали родину те, чья природная агрессия не могла быть подавлена без слома личности. Изолировать человека за то, что он может совершить, но ещё не совершил? Это было несправедливо.

Так родился Спартак. Здесь предрасположенность к гневу не подавляли. Более того, её культивировали. Но только в рамках особой культуры и тщательного регламента. Любая драка была ритуалом, состязанием, где ни победитель, ни побеждённый не роняли статуса, а просто перемещались на ступень, ведущую к честному реваншу.

На этой планете Вольф не был давно. Прямо на входе его встретила пятёрка колоритно одоспешенных гоплитов. Один шагнул вперёд, оценив нагрудный знак старшего инспектора:

– Добро пожаловать на Спартак!

Рукопожатия здесь заменяли более мужским приветствием – ударом в плечо. Для хороших друзей – можно и в челюсть. Для гостей приветственная зуботычина считалась актом подготовки к местному колориту.

– Я сегодня без посылки. Личная встреча, – заявил Вольф.

Бойцы переглянулись. Слово снова взял первый:

– Вы ведь знаете, что все гости должны пройти испытание?

Для инспектора стартовая потасовка была одной из причин редких визитов на Спартак. Но дело не терпело отлагательств. Даже получить несколько зуботычин было допустимо. Сила воли шла в зачёт. Как вариант – дуэль на шокерах.

– Давайте шокеры и вашего лучшего стрелка, – изобразил бодрость Вольф.

Привратники переглянулись ещё раз.

– Инспектор, как давно вы у нас не были? Правила входа с начала этого года – поединок на арене, на холодном оружии.

Вольф решил, что ослышался:

– Простите, что?

Гоплит движением руки переслал ему с браслета «Правила гостевых боёв». С каждым абзацем глаза Святослава всё сильнее лезли на лоб.

– Вы это серьёзно? – наконец выдавил он.

– Да, – подтвердил гоплит. – Настоящее оружие, никаких ограничений. Первого, кто не может продолжать, немедленно отправляют в телепорт-кабину прямо с арены. Чем биться – выбираете сами.

Он махнул рукой в сторону стойки с оружием. Столько начищенной стали сложно было не заметить. Ладно бы спортивный спарринг – Вольф когда-то занимался кендо. Но здесь висело боевое оружие. Мечи, сабли, алебарды, фламберги. Ни брони, ни щитов, ни умной блокировки опасных ударов.

– А если кому-то голову отрубят – что в страховой пишете? – он постучал пальцем по лезвию топора.

– Пока такого не было, – флегматично заметил смотритель арсенала. – У нас не гладиаторские бои. Работают по красоте, показывают техники. Для гостя всё оформят филигранно.

– Служаки мигом доставят раненого в кабину телепорта, – присоединился гоплит. – Уйдете в «цифру», вернетесь обратно целым и невредимым. Все очень аккуратно.

На языке у Святослава вертелись другие слова. Подписать на то, чтобы тебя изрубили на куски, – это не сумасбродство. Это опасный бред.

– Дайте минуту подумать, – сказал он. – И где тут можно лицо сполоснуть?

Зайдя в гигиенную, он быстро набрал на браслете номер того, за кем прибыл на планету: Александра Жанботаева. Через несколько секунд на коммуникаторе высветилось лицо полковника, с кем-то спорящего.

– Слушаю! – сердито бросил он в трубку, не поворачиваясь к Вольфу.

– Александр Павлович, не сильно отвлекаю?

Жанботаев посмотрел на звонящего:

– Святослав Александрович? – его удивление сменилось редкой улыбкой. – Какими судьбами?

– Я в гости к вам. И меня убедительно хотят нанизать на входе на шампур. Просто уточню – битва на арене – это теперь обязательно?

Жанботаев побагровел и резко поднялся:

– Ждите и ни на что не соглашайтесь. Сейчас буду!

Вернувшись в зал, Вольф скопировал из инфостойки текущие данные и прислонился к стене, листая их на браслете и игнорируя гоплитов.

Полковник вошёл в терминал через десять минут. Он хотя и прибыл в сугубо мирной, домашней одежде, но с гражданским его перепутать было сложно. На голову выше инспектора, в полтора раза шире в плечах, с фигурой борца-тяжеловеса, он не производил впечатления отставника. Несмотря на солидный возраст и почти полностью седой ёжик волос на голове, движения оставались плавными и выверенными. Сейчас на его квадратное лицо, с которого можно было лепить классический скульптурный портрет римского легионера, вернулась привычная бесстрастность. Не обращая внимания на вытянувшихся по стойке смирно гоплитов, он подошёл к Вольфу и аккуратно отвесил ему такую оплеуху, что у инспектора зазвенело в ушах.

Оказав таким образом уважение и обозначив радость от встречи, Жанботаев медленно развернулся к старшему гоплиту. Массивный подбородок выдвинулся вперед. Чёрные, доставшиеся ему от степных предков глаза вцепились в старшего смены.

– Йоффи, дорогой, здравствуй... – голос Жанботаева прозвучал настолько по-доброму, что сразу хотелось развернуться и бежать. – Помнишь, мы разговаривали про гостевые поединки? – он подходил всё ближе, неспешно потирая кулачищи. – Я же показывал, как именно надо приветствовать встречающих. Ты не разобрался? Так давай ещё раз покажу.

В этот момент полковник выдал не чисто символический, а наоборот настоящий, крепко поставленный удар. Бедного энтузиаста новых обычаев снесло на метр назад, где он с лязгом доспехов впечатался в стену и тихо осел на пол.

Повернувшись к остальным, Жанботаев оценил их безупречную стойку.

– Хорошего наставника оценивают по тому, насколько хорошо усваиваются его уроки. С вами лично я на тему арены не говорил. Поэтому есть вероятность неосознанных ошибок.

Ни один мускул не дрогнул на лицах бойцов. Только глаза сверкали с всецелой готовностью слушать уважаемого полковника.

– Правила гостевых поединков – это про поведение на арене. А выйти на неё – это наше приглашение. А НЕ ОБЯЗАННОСТЬ! Ещё раз услышу подобное – все отправятся к песчаным мастерам тренировать внимательность. Свободны.

Оставив гоплитов приводить в чувство старшего, Жанботаев вернулся к Вольфу:

– Слава, друг мой! Как я рад тебя видеть!

– Насколько сильно ты рад, у вас тут определить просто, – потирая щёку, изобразил брюзжание Вольф.

Вместо ответа полковник полуобхватил его за плечи и повёл к выходу:

– Пойдём, пойдём. Хватит на вокзале торчать...

Воздух снаружи был сухим, жарким и ощутимо горчил пылью.

– Не глянешь, куда тебя этот дурак отправить хотел? – полковник придержал Вольфа у голопроектора рядом с входом для зрителей.

Для протокола посмотреть стоило.

Трансляция шла с нескольких ракурсов. Антураж римской арены был добротным. На белом песке друг против друга стояли двое. Один – среднего роста, в коротком кимоно, с катаной. Другой – гигант, покрытый рыжей с полосами шерстью, небрежно крутивший двуручную лабриссу. Его ноги были неестественно изогнуты, напоминая лапы гепарда. Это было странно: раньше генетические апгрейды здесь не поощряли.

Поединок начался внезапно. Тигрового секирщика метров за десять до противника словно пружиной подбросило вверх. Его лабрисса была уже занесена. Но мечник провёл рискованный контрприём – попытку проскользнуть под противником и провести лезвием тому по ногам. План удался: по песку брызнули алые капли.

Но прыгун, словно не заметив этого, ещё в полёте резко вонзил одну лапу в землю и, используя её как зацеп, невероятным образом развернувшись, снова оказался лицом к сопернику. Атака продолжилась тремя широкими взмахами секирой, дабы не столько задеть противника, сколько заставить его потерять равновесие в попытках увернуться. И снова неудача: мечник ответил нырком, переходящим в двойной перекат.

Противники на мгновение застыли друг напротив друга. Затем мечник сам резко сократил дистанцию, пытаясь оказаться в зоне, где у двуручного оружия не было бы места для размаха. Тигровый гладиатор расширил хват на древке и закрутил лабриссу так, словно она ничего не весила, одновременно пытаясь увеличить расстояние между собой и мечником. Движения участников поединка достигли такой скорости, что стали смазываться на экране.

Посмотрев на всё это ещё секунд тридцать, Вольф повернулся к полковнику:

– И в это место меня хотели отправить? И какой в этом был бы смысл?

– Никакого, Слава. Об этом обязательно поговорим. Но только за кружкой холодного эля!

Это было более чем кстати. Едва выйдя на солнце, Вольф вспомнил другую причину своих редких посещений Спартака. Эта планета оказалась ближе к светилу и была запредельно жаркой и сухой. Вместо освоения купольного мира здесь решили, что жизнь в вечной пустыне отлично закаляет характер.

Спартак ломал все стереотипы. Казалось бы, неистовые по природе хулиганы должны вести себя соответственно. Но нет. Дух Спартака состоял в полном контроле над гневом. Его воспитывали, накапливали и берегли, чтобы в нужный момент высвобожденная ярость смела любого на пути.

В обыденной жизни громилы, киборги и ассасины вели себя воспитаннее святош с Гармонии.

Быстрым шагом Жанботаев и Вольф пересекали город, где утилитарные здания из песчаника формировали лабиринт узких улиц. Через пятнадцать минут вошли в квартал, застроенный симпатичными двухэтажными домами. Здесь жила элита Спартака. Через пять минут свернули к дому полковника.

– Зоя, готовь стол, у нас гость дорогой! – громогласно объявил Жанботаев с порога.

Его супруга уже выходила навстречу. Невысокая, миловидная, на вид скромная, настоящей хозяйкой здесь была она. Об этом свидетельствовали и домашний уют, и то, что здесь Жанботаев терял привычную строгость.

Вручив хозяевам дома обязательный в таких случаях гранатовый ликёр, Вольф помог им накрыть на стол. За этими хлопотами Святослава отпустило напряжение, преследовавшее его с момента первого взгляда на арену.

После обеда он сидел напротив Жанботаева на софе, потягивая кофе и прикидывая, как лучше сформулировать свою просьбу. Человек перед ним был личностью выдающейся. И которого безусловно не стоит беспокоить по пустякам. Полковника ставили в пример молодёжи на

Спартаке как эталон самообладания. Его звали в наставники все лагеря. На арене у него было прозвище Ледяной. Он безупречно следовал максиме, что истинный воин знает, когда стоит и когда не стоит бить.

Вольф сумел завести дружбу с Жанботаевым, хотя даже не догадывался о настоящей причине тёплого к себе отношения со стороны бывшего ветерана. Никто на свете не знал и даже не мог предположить, что сам Александр Павлович в глубине души считает себя трусом. Перед своим первым поединком, когда он увидел противника, ревущего и бьющего себя в грудь, сердце Жанботаева дрогнуло. Он не отступил – никогда не отступал. Но стыд тянулся с того самого эпизода.

Святославу же он считал себя обязанным за случай, который тот, наверное, и не помнил. Однажды в их беседе Вольф упомянул недавно прочитанную книгу об античных героях, которые убивали неуязвимых богов и чудовищ именно потому, что сами были смертны. Преодолев ужас перед возможной гибелью, они заключали его в своё оружие, которое благодаря этому становилось смертоносным. Эта история и её мораль неожиданно разжали тиски скрытого стыда Жанботаева – он впервые принял свой страх как нечто естественное. И после этого полковник принял Вольфа в очень узкий круг своих близких друзей.

В дверь вдруг раздался спешный стук, и в прихожую буквально вбежал юноша в форме: – Ваше высокоблагородие! Вас срочно вызывают принимающим наблюдателем на площадке два и четыре! Дежурный смены не выходит из глубокой медитации. Заменить его нечем.

– И кто у нас там медитирует?

– Майор Моржов!

– М-да, Моржова прерывать нельзя. Может и прибить ненароком, – нехотя согласился Жанботаев. – Ну что, Слава, айда прогуляемся? Посмотришь заодно, как задания с Земли обрабатывают. Будем вместе инспектировать!

Он вышел, чтобы переодеться, и через пару минут вернулся при полном параде:

– Здесь недалеко, по дороге поболтаем. И на наши дела посмотрим.

Вольф вздохнул и отставил чашку. На языке вертелся вопрос: «Какие учения?» Спартак был сообществом бойцов, а не военных. Здесь всегда учили личному контролю, а не тактическим маневрам.

Через пять минут он задавал вопросы уже себе. Как ещё по дороге к дому полковника он не заметил, что у каждого второго на Спартаке можно заметить элементы явно военной формы? Ведь эти изменения произошли буквально за один год с момента его последнего визита.

Спустя полчаса Вольф с возрастающим удивлением смотрел с наблюдательной площадки на огромный полигон, разделённый на десятки зон: полосы препятствий, стрельбища, имитация городской среды.

– Интересуешься? – Александр проследил за взглядом Вольфа. Затем открыл планшет и пролистал расписание занятий. – Редкая тренировка – реконструкция архивной записи: «2038 год – ночной бой с биотехом. Москва». Неудачная, – мрачно добавил он и протянул Святославу запасной визор. – Держи, глянь на предков.

Трансляция началась. Едва освещенная, но все равно узнаваемая часть Тверской была совершенно безлюдна. Вдоль ряда припаркованных машин крадущимися шагами шла тройка в легком пехотном обвесе, с короткоствольными разрядниками в руках. По их бронежилетам непрерывным потоком текли ярко-зелёные огни.

– Отчего они светятся, как новогодние ёлки? – не отрываясь, спросил Вольф.

– Это мы их видим. Для механизмов в этом спектре люди наоборот выглядят размытым пятном. Смотри дальше.

...На экране патруля мелькнула точка.

– Слева! – прошипела женщина в группе.

В круге одного из немногих горящих на улице фонарей промелькнула приземистая, похожая на сколопендру машина. Неожиданно быстрыми рывками она перемещалась от укрытия к укрытию, избегая открытых мест. Чешуйки её чёрной брони издавали еле слышный шелест, острые наконечники лап выбивали искры из асфальта. Матричная решётка на месте головы двигалась по сторонам, сканируя окружающее пространство.

Бойцы пригнулись и замерли на месте. Один из них, оказавшийся ближе всех к машине, аккуратно сделал шаг назад и случайно задел ногой брошенную банку. Звук был еле слышен, но для существа достаточен. Робот прыжком дёрнулся вперёд.

– В стороны!

Охотники бросились врассыпную. Робот зафиксировал цель, его «голова» на записи полыхнула ярко-оранжевым. Неудачливый солдат успел пробежать три шага, прежде чем рухнул. От тела потянулись полосы пара.

– Микроволновые пушки, гадко и бесчестно, – сплюнул Жанботаев.

...Выжившая пара скользнула в арку двора. Механизм двинулся вслед за ними. Бойцы быстрыми перебежками зигзагами пересекали двор, укрываясь за конструкциями детской площадки и кустами сквера. Робот замедлил ход, его прицел метался. Так больше ни разу не выстрелив, он не последовал за людьми, вместо этого развернулся и скрылся в тенях.

Измотанные бойцы вывалились на соседнюю улицу. У арки их ждал четвёртый, уставившись в монитор:

– Он за вами не пошёл. Ловушка не сработала.

Старший группы, тяжело дыша, выругался.

– Объект не вижу, – продолжил наблюдатель. – Какие будут указания?

– Продолжать искать! – отрезал командир. – Весь квартал отметить на карте как карантинный.

– Командир, может, хватит церемоний? – вмешалась женщина. Она тяжело дышала и с трудом приходила в себя. – Эта тварь уже убила Толика. Пошлём рой дронов, пусть просканируют логово. Затем взорвём! А мэр пусть идёт в ж...

Трансляция завершилась.

– Познавательно, – произнёс Вольф, снимая визор. – А в чём мораль?

– А ты теперь на наши тренировки посмотри.

На первый взгляд симуляция выглядела так же. Третий боец театрально задел банку. Команда бросилась врассыпную. Но «смертник» кинулся в другую сторону, в повороте подхватил железную бочку и швырнул её перед собой, а затем устремился к арке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.